

Издательство

Норильск

2006

УДК 37«571.511»
ББК 74.03(2)
Д 81

Книга издана при поддержке

Д 81   **Дудина Д.П.**
Вокруг Нордвика...: Книга воспоминаний. — Но-
рильск: АПЕКС, 2006. — 112 с.
ISBN 5-93633-040-0

Книга представляет собой мемуары жителя одной из забы-
тых территорий современного Севера — Нордвик-Хатангского
района.

В конце 80-х годов XX века в средствах массовой информа-
ции прошел ряд публикаций, авторы которых были уверены,
что Нордвик — одна из территорий ГУЛАГа. Желая восстано-
вить историческую справедливость, автор книги обратился к
своим воспоминаниям и воспоминаниям жителей поселков Ко-
жевниково, Нордвик и других, работавших там вплоть до 1953
года — года закрытия Нордвической геологической экспедиции.

Для широкого круга читателей.

УДК 37«571.511»
ББК 74.03(2)

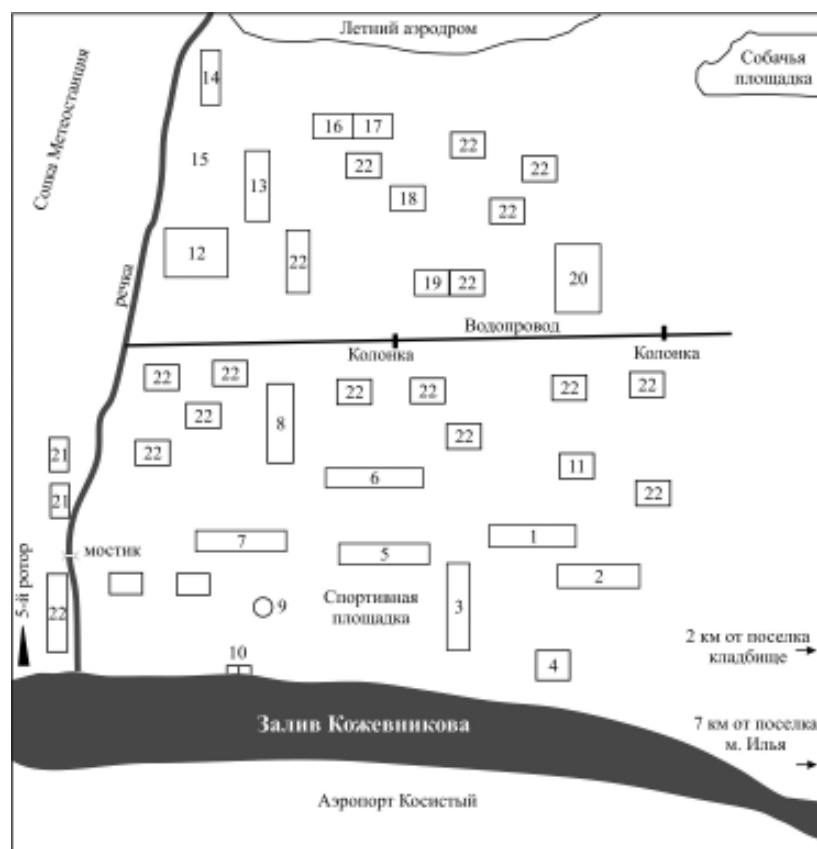
ISBN 5-93633-040-0

© Издательство «АПЕКС», 2006
© Дудина Д.П., 2006

Дина
Дудина

Вокруг
НОРДВИКА...

План поселка Кожевниково

Условные обозначения:

1 - управление (камералка);	12 - электростанция;
2 - квартиры руководителей;	13 - баня;
3 - столовая;	14 - зернохранилище;
4 - КГБ;	15 - квартира судьи;
5 - почта, сберкасса, телефонка;	16 - квартира Чекаловой;
6 - новая школа;	17 - общежитие;
7 - больница;	18 - мой дом в 1949 г.
8 - садик и старая школа;	19 - мой дом в 1946 г.
9 - столб ("гигантские шаги");	20 - общежитие-двухэтажка;
10 - общественный туалет;	21 - гараж и мастерские;
11 - мой дом в 1943 г.	22 - квартиры сотрудников экспедиции.

Сыну Евгению посвящается

ОТ АВТОРА

Время идет, люди уходят, а вместе с ними уходят их желания и поступки, их воспоминания. Уходят вместе с ними их города и поселки, время и ветер засыпает следы некогда оживленных территорий. А после приходят другие люди и, найдя остатки былой жизни, удивленно спрашивают сами себя: «Что это? Кто здесь жил? Чем они занимались?»

Наша страна огромна, на ней много расположено загадочных, а вернее, забытых мест. Одним из них является Нордвик. В конце восьмидесятых, когда наконец-то открыто заговорили о ГУЛАГе, Нордвик тоже было попал под общую гребенку.

Я жила в этих краях десять лет — с 1943 по 1953 годы и была свидетелем происходивших там событий. Именно поэтому я решила написать книгу своих воспоминаний — чтобы хоть на малой территории не было путаницы, чтобы потомки точно знали, как жили люди в этом «северном оазисе», чем занимались, почему любили свой поселок и даже называли его Заполярным Парижем.

Но загадка Нордвика по-прежнему остается неразгаданной. И заключается она не только в том, существовали ли лагерь для заключенных там или нет — на этот вопрос я попыталась дать убедительный ответ своей книгой. Загадка Нордвика состоит еще и в следующем: почему столь успешно развивающийся регион был в одночасье свернут и законсервирован в 1953 году? У меня нет однозначного ответа. Может быть, вы, прочитав эту книгу, найдете разгадку...

Я хочу выразить глубокую благодарность Владимиру Александровичу Преображенскому и другим сотрудникам

Дина ДУДИНА

фондов НИИ Геологии Арктики (ныне НИИ Океангеология) в Санкт-Петербурге, сотруднице фондов Геолкома в Норильске Нине Александровне Шлак за оказанную мне помощь в сборе документов при написании этой книги. Я также благодарю Фонд культурных инициатив (Фонд Михаила Прохорова) за финансирование издания моей книги. Конечно, я очень благодарна за активную помощь и непосредственное участие редакторам норильского издательства «АПЕКС» Стрючковым Станиславу Анатольевичу и Ларисе Николаевне, без которых я не смогла бы осуществить свою мечту и издать эти воспоминания.

Дина Дудина

ГДЕ-ТО НА СЕВЕРЕ

Думаю, что сначала надо дать краткое географическое и историческое описание мест, о которых далее пойдёт мой рассказ. Все посёлки, которые я упоминаю, раньше легко можно было найти на карте нашей страны. А сегодня, к сожалению, только на некоторых из них обозначены Хатанга и Косистый.

Описывая все факты и события, я воспользовалась не только своими воспоминаниями, но и письмами бывших жителей Нордвика — моих личных друзей и друзей моих родителей. А также, конечно, данными из геологических отчетов. Я — не геолог, а потому не буду глубоко вникать в детали геологических работ. Мне хочется рассказать о житейской стороне, которая была мне хорошо знакома и о чем, конечно, ни в одном геологическом отчете нет даже намёка.

Итак, Нордвик-Хатангский регион занимал территорию Таймыра, ограниченную на западе Хатангским заливом, на востоке — Анабарским заливом, с севера — морем Лаптевых, а с юга — 73-й параллелью.

Север региона — это полуостров Нордвик, расположенный в северо-восточной части Хатангского залива и отделяющий последний от залива Нордвик. Полуостров имеет длину 16 км и ширину 6 км. Самая северная часть расположена на 74°3' северной широты. На самой оконечности полуострова находился посёлок Нордвик и морской порт.

История изучения Северного морского пути уходит корнями в далекое прошлое. С накоплением опыта по мореплаванию в суровых северных широтах исследователи смогли достигнуть и изучить устье Енисея, побережье полуострова Таймыр и далее — до реки Лены.

Некоторые геологические данные о Таймырской низ-

менности и о наличии мерзлоты в низовьях реки Енисей относятся к 1840-1841 годам и принадлежат А.Ф. Миддендорфу. Затем этот район исследовали в 1866-1867 годах И.А. Лопатин и Ф.Б. Шмидт. Более детальные исследования проводили члены морской экспедиции в 1875-1877 годах под руководством А.Э. Норденшельда и в 1894-1896 годах — экспедиции А.И. Вилькицкого.

Ещё за целое столетие до посещения Таймыра первыми её исследователями в архивных материалах можно найти сведения о находках соли и нефти в Анабарской стороне — как тогда именовали эти края. Так, в Якутском краевом музее сохранилось прошение мещанина Александра Семёновича Белькова, в котором он пишет: «В прошлом 1804 году по случаю моих переездов по берегу Ледовитого моря в Анабарской стороне найдены были мною соль каменная и таковое же масло, названное Врачебной Управой черной нефтью».

В 1874 году образцы каменной соли экспонировались на выставке, посвященной богатствам Сибири в Петербурге.

Первые географические сведения о заливе Нордвик (Nord — север, vik — бухта) получены Великой Северной экспедицией, работавшей под начальством Харитона Лаптева и подарившей заливу это название. Судя по всем данным, экспедиция прошла вблизи побережья, не посетив полуостров. Описание береговой части было сделано геодезистом этой экспедиции Чекиным.

На первых картах Нордвиком был назван мыс, расположенный на северной оконечности полуострова Пахса, находящегося на противоположной восточной стороне бухты Нордвик.

В 1893 году Академия наук направила экспедицию на Новосибирские острова и побережье Ледовитого океана. В составе этой экспедиции Э.В. Толль первым из геологов посетил Нордвик-Хатангский район, пересёк

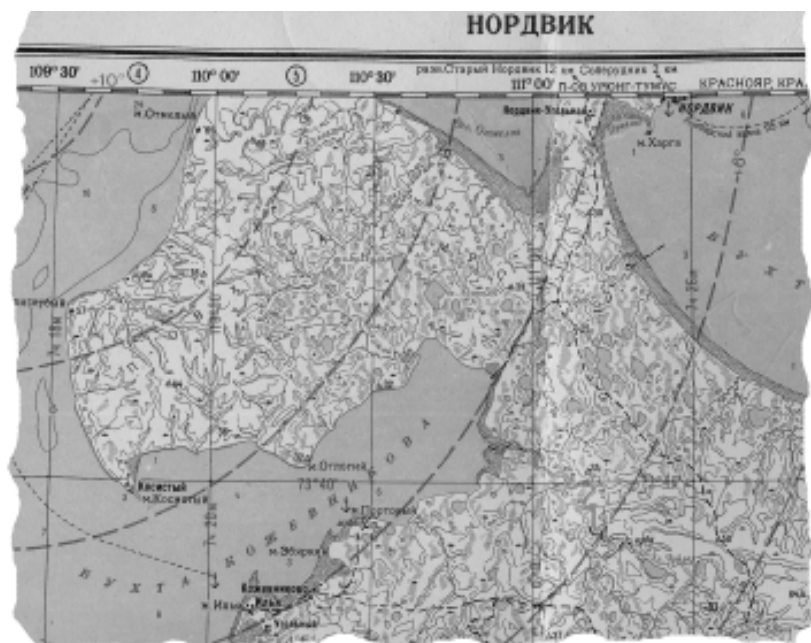

Лено-Енисейский водораздел и, выйдя к селению Дудинка, поднялся по Енисею до Красноярска.

В 1905 году полуостров Нордвик впервые посещается Хатангской экспедицией Русского Географического общества, которая установила наличие здесь каменной соли. Участниками этой экспедиции И.П. Толмачевым и О.О. Баклундом составляется геологическая карта побережья залива Нордвик и полуострова Юрюнг-Тумус. Юрюнг-Тумус — это название нанес на карту топограф экспедиции М.Я. Кожевников: так Нордвик называли местные жители (якуты-соха). И лишь в последующих работах полуостров стал именоваться именно Нордвиком по названию бухты, в которую он вдаётся, а всю прилегающую территорию — Нордвикским районом.

В последующие годы, вплоть до 1930, геологические

Карта Нордвик-Хатангского района.

исследования ограничивались, главным образом, территорией Усть-Порта и Норильским районом. С организацией в начале 30-х годов Главсевморпути с его Горно-геологическим управлением, перед которым была поставлена задача создания минерально-сырьевой и топливно-энергетической базы для хозяйственного освоения Севера, геологические работы в Арктике развернулись от Кольского полуострова до Чукотки.

В 1932 году из образцов коллекции, привезенной Толмачевым из Хатангской экспедиции, были сделаны анализы, подтвердившие возможность нефтеносности севера Сибири. На основании этих данных в 1933 году Главное управление Северного морского пути направило в Нордвик экспедицию под руководством Т.М. Емельянцева, которая провела маршрутные исследования на всем побережье от Хатангского до Анабарского заливов и впер-

вые на острове Бегичева.

В 1934 году в отчете о проделанной работе Емельянцев дал подробное описание геологического строения района, подтвердил наличие соляного купола и впервые наблюдал выход жидкой нефти, которую удалось собрать и привезти для исследования. На основании полученных сведений о строении региона и наблюдений интенсивных нефтепроявлений в береговых обнажениях были сделаны выводы о необходимости дальнейшего детального изуче-

Тихон Матвеевич Емельянцев.

ния района. Результатом явилось создание в 1934 году стационарной Нордвической нефтеразведочной экспедиции, которая базировалась первоначально на полуострове Нордвик, а затем в 100 километрах южнее — в посёлке Кожевниково.

С 1934 года начинаются работы по поискам и разведке залежей нефти, каменного угля и каменной соли, необходимых для снабжения северных районов собственным углём, солью, а в дальнейшем — и нефтепродуктами.

Если до этого времени геологические исследования носили случайный характер, то именно с 1934 года геологические работы в пределах нижнего течения Енисея были направлены на определение перспектив нефтегазоносности района с целью в дальнейшем поставить поисковые и разведочные работы на нефть и газ.

У истоков решения намеченных задач стоял Н.А. Гедройц, который в 1934 году возглавил первую экспедицию в этот регион. В тот полевой сезон в низовьях реки Енисей он обнаружил выходы горючих газов. Полученные результаты привлекли большое внимание к району. С 1935 года начинается быстрое расширение работ, которое можно назвать началом первого этапа разведки.

С 1936 года в Усть-Енисейском районе ведутся стационарные геолого-разведочные работы на нефть. Постановление Совнаркома от 28 августа 1938 года подтвердило необходимость дальнейшего проведения этих работ. В 1939 году большую комплексную экспедицию направляет в эти края Арктический институт, главным геологом которой был назначен Гедройц. Эта экспедиция вела работы в районе рек Солёная, Большая и Малая Хета, Сухая Дудинка и на других площадях вдоль Енисея до посёлка Караул.

Впервые нефть в Усть-Енисейском районе была обнаружена при бурении в 1942 году И.Н. Безрудновым.

Однако, несмотря на значительный объем выполненных нефтепоисковых работ за этот период, значительных продуктивных площадей не нашли... Окончанием периода считают 1954 год, когда были прекращены все нефтеразведочные работы в Арктике бывшим Министерством нефтяной промышленности.

Первый этап жизни Нордвика охватывает период с 1934 по 1937 год. За это время геологическими партиями под руководством Н.Н. Михайлова, А.И. Барзина, Т.М. Емельянцева велись работы по изучению геологического строения полуострова Таймыр. Уже в 1935 году начинается добыча пищевой соли. В начале разведочных работ уголь добывали на полуострове для местных нужд жилого посёлка и создаваемых предприятий.

С 1937 до 1942 года геологические работы на Нордвике по неизвестным мне причинам были прекращены и перенесены на юго-восточное побережье залива Кожевниково. К этому времени надо отнести начало строительства посёлка геологов на побережье залива, получившего то же название.

С 1942 года геологоразведочные работы уже велись по всему Нордвикскому региону. А 8 января 1943 года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР поселок Нордвик был отнесён к категории рабочих посёлков.

Центральная база геологической нефтеразведочной экспедиции, как я уже упоминала, располагалась в посёлке Кожевниково на берегу залива с тем же названием. Посёлок Чайдах находился от центральной базы юго-восточнее в 65 км, а посёлок Нордвик — северо-восточнее от базы в 100 км. В 7 км от посёлка Кожевниково западнее по берегу залива находился посёлок Илья и морской порт. Севернее Кожевниково, на расстоянии 10 км, небольшой причал для катеров и грузовых барж — мыс Портовый.

На противоположном берегу залива в 25 км почти напротив посёлка Кожевниково и северо-восточнее в 18 км от Илья находился аэропорт Косистый, который действует до настоящего времени.

Одновременно с разведкой на нефть в послевоенные годы добывали уголь на Южном Тигяне, который полностью обеспечивал потребность в топливе все ближайшие поселки геологов. К 1948 году только на Нордвике добывали до 20 тысяч тонн угля в год. По реке Тигян доставляли уголь баржами до причала Портовый, а далее — по заливу в порт Илья заходили для загрузки прибывавшие пароходы. Уголь и белую пищевую соль грузили на суда для отправки дальше на восток по всей трассе Северного морского пути. Темную соль использовали в большом количестве для приготовления соляного раствора, который использовали при бурении нефтяных скважин в зоне вечной мерзлоты. К 1946 году общая добыча соли достигла около 40 тысяч тонн в год.

В 1944 году на полуострове был найден небольшой участок для добычи гипса, на базе которого был построен цех по изготовлению высокопрочных гипсовых строительных блоков. В 1945 году нашли глину, пригодную для изготовления строительного кирпича, который начали производить на выстроенном минизаводе в 1946 году.

В административном отношении западная часть Нордвик-Хатангского региона, т.е. посёлки Кожевниково, Нордвик, Илья, Косистый, относилась к Таймырскому Национальному округу Красноярского края РСФСР с районным центром в Хатанге, расстояние до которой около 400 км. Восточная часть региона, т.е. посёлки Чайдах и Тигян, в административном отношении относилась к Якутской АССР. До районного центра Саскылах по прямой на юго-восток было около 190 км. Расстояние от бухты Кожевниково до острова Диксон — 1600 км. Бли-

Дина ДУДИНА

жайшим крупным населённым пунктом в восточном направлении, кроме Хатанги, был посёлок Тикси, до которого почти 1000 км.

Конечно, располагаясь далеко за Полярным Кругом, этот район имеет суровый полярный климат. Среднегодовая температура равна минус 14-15°С. В течение большей части года на территории господствуют отрицательные температуры. Зима продолжается восемь месяцев. Снег начинает таять обычно в конце мая и заканчивает к концу июня. В глубоких оврагах старый снег часто сохраняется все лето. А уже в начале сентября выпадает новый, который к октябрю покрывает тундру сплошным покровом. В некоторые особенно холодные годы (я лично помню 1944 и 1946 года) снег с пургой можно увидеть и в июле, и в августе. Почти три месяца — с 7 ноября по 3 февраля — длится полярная ночь, когда солнце совершенно не появляется на горизонте. Полдень ничем не

Типичный пейзаж Нордвикского района.

отличается от ночи. Суровую картину полярной ночи в ясную погоду несколько разнообразят свет луны и частые полярные сияния. Особенно красивые цветные сияния бывают при сильных морозах в безветренную погоду. Ртутный столбик термометра с декабря по март довольно часто опускается до -50 – -55°C при довольно сильном ветре. Наиболее сильные ветра, достигающие часто более 30 м/с , наблюдаются на побережье моря Лаптевых.

Зато есть полярный день — с 5 мая по 5 августа, когда солнце не заходит за горизонт. Летними месяцами являются июль и август. Максимальная температура в отдельные дни достигает $+25^{\circ}\text{C}$ и даже $+30^{\circ}\text{C}$. Однако, солнечных ясных дней мало, т.к. как раз летом выпадает большая часть годовых осадков.

Заливы очень долго скованы льдом и освобождаются в районе порта Илья со второй половины июля до первых чисел октября, а в районе Нордвика — август и сентябрь. Именно тогда наступает время максимальных приливов, позволявших в свое время морским судам входить в заливы. Но в холодные годы в течение всего лета здесь плавают льдины, а в море вблизи побережья — крупные ледяные поля. Да и штормовые ветра доходят до 6 баллов.

За короткое лето тундра успевает покрыться ярким ковром. С самого начала лета уже на проталинах появляются цветы. Особенно хороши желтые маки и голубые незабудки. Вообще, после долгой зимы всякая растительность кажется прекрасной. За короткое полярное лето земля успевает оттаять на глубину не более полуметра.

К концу лета речушки и ручейки пересыхают, а реки становятся настолько мелководными, что их во многих местах можно переходить вброд.

Дорог в районе нет, не было и тогда. Транспортная связь между поселками и производственными участками производилась на тракторах, вездеходах, оленьих и соба-

чьих упряжках, изредка самолетом типа У-2, а позднее По-2. А связь с центральными районами страны — только по Северному морскому пути через морской порт и самолетами с аэропорта Косистый.

Да и народу-то жило не много. Расстояние между существовавшими колхозами (где тогда якуты и немногочисленные нганасаны занимались оленеводством, охотой и рыболовством) насчитывало многие десятки, а чаще — сотни километров. И в самой Нордвикской экспедиции людей было не много — основное население составляли работники Главсевморпути, приезжавшие работать по трудовым договорам. В зависимости от объёма работ численность в посёлках колебалась, превысив 1000 человек перед закрытием в 1953 году.

Вот каков этот край — суровый, но прекрасный.

МОЯ СЕМЬЯ

Родилась я очень далеко от Нордвика — в городе Грозном. Туда мой отец, геолог-нефтяник, Пинхос Соломонович Пук, был направлен после защиты диплома. Там, в Старопромысловском районе города, ему и моей маме, Гене Давыдовне, дали комнату.

Вот ведь как распорядилась судьба — этот район полностью сохранился в Великую Отечественную войну, а теперь, к огромному сожалению, за время чеченской войны разрушен до основания.

Моего отца, молодого неопытного геолога, назначили на очень ответственную работу — к 1937 году, когда я родилась, он был начальником отдела проектирования и разработки в тресте «Старогрознефть». При проектировании и строительстве новых скважин ему поручались самые сложные участки. Папа неоднократно находился на грани ареста. Провожая его на работу, мама не была уверена, что вечером он вернется домой. Но в своей работе папа всегда старался тщательно изучать материалы и очень настойчиво отстаивал свои взгляды. Видно, поэтому его быстро вывели из состава комиссии по расследованию заведённых в тресте уголовных дел в период репрессий 37-38 годов. Только знание дела и упорство помогли папе успешно решать поставленные задачи и тем самым избежать ареста и всего что за этим следовало. А в марте 1941 года был даже награжден значком «Отличник соцсоревнований Наркомнефть».

Война круто перевернула жизнь. Геологам давали бронь от воинского призыва. На строительстве оборонных сооружений под Грозным папу контузило. Он стал заикаться, что осталось у него до конца жизни. При наступлении фашистов на Кавказ в Грозном с весны 1942 года проводились работы по ликвидации, засыпке нефтя-

ных скважин. Затем геологов с семьями эвакуировали из Грозного. Отец дал согласие поехать на работу в Норд-викскую нефтеразведочную экспедицию Севморпути. Главное геологическое управление из Москвы уже переехало в Красноярск, куда и направлялись геологи для дальнейшей отправки по назначению.

В августе 1942 года в теплушке наша семья покинула Грозный. Мы выехали, когда уже с железнодорожного полотна было хорошо видно зарево пожаров и слышен грохот канонады. Тот путь был длинным. Мы добирались с многочисленными долгими остановками и пересадками через Новороссийск и Новосибирск. Немец преследовал нас до Новороссийска. В палаточном лагере мы с мамой заболели малярией. Когда садились на теплоход, я

Я и мой папа.

чуть не утонула: потерялась в давке при посадке и на деревянном настиле трапа, забираясь на пароход, споткнулась и упала. У самой палубы, уже налету, за одежду меня поймал матрос и посадил на плечо. Родители смогли увидеть меня, возвышающуюся над головами. Но и на этом злоключения не кончились — в пути от истощения мама ослепла, а у меня начался колит. В Новосибирске в поезде нас обворовали — остался мешок с суха-

рями и ещё пара узлов с вещами, на которых мы сидели в поезде.

Так мы через месяц пути прибыли в Красноярск. Меня с мамой поместили сразу в больницу (к счастью, ей быстро восстановили зрение), а папа устроился в гостиницу для северян при Главном геологическом управлении. Приход зимы мы, полуголодные, вместе встретили в этой гостинице Красноярска. Началась следующая страница нашей жизни.

Папа получал рабочую карточку, а мы — иждивенческие. Мешок сухарей был нашим спасением, ведь продавать нам было нечего. Мама неоднократно повторяла в последующие годы, что мы выжили благодаря папе, который выдержал все трудности и не заболел. У меня в памяти остался Новый год, когда дали праздничный паёк. Пока родители ходили что-то поменять на хлеб, я съела всё масло. Еще мама рассказывала, что я вставала чуть свет, чтобы поесть с папой скудный завтрак, а потом съела свой. Чуть-чуть окрепнув, мама начала работать уборщицей в той же гостинице.

Самолёты в те годы в полярную ночь летали только в очень экстренных случаях. Одним из первых весенних авиарейсов папа улетел в Кожевниково. Мы были еще очень слабы, чтобы продолжить путешествие с ним.

Встретили отца в Кожевниково очень тепло. Он был страшно истощен длительным недоеданием и очень слаб. Имея уже опыт выхаживания прибывающих, врачи и сослуживцы окружили папу заботой и вниманием, и это позволило ему быстро восстановить силы и приступить к работе.

Летом 1943 года папа вызвал нас к себе. Однако мама сначала отказалась — у неё появилась хорошая работа и мы нормально питались. Сейчас, конечно, пересмотрены взгляды на КПСС, но нас спасло то, что мама была членом партии. Через несколько дней после отъезда папы

она пошла в райком встать на учет. Узнав о её бедственном положении, маму направили работать в столовую при военном заводе — мыть посуду. Это значило, что она будет сыта. Питаясь в столовой, мама быстро оправилась и уже совсем скоро ее назначили заведующей этой же столовой — она обладала хорошими организаторскими способностями и мягким общительным характером. Я быстро забыла, что такое голод — ведь мне было всего четыре года. А еще совсем недавно я с завистью смотрела, как хозяйка гостиницы впихивала в своего малолетнего сына бутерброд за бутербродом, угрожая, что отдаст их мне. До сих пор помню, как круглый маленький мальчишка давился, глотая очередной жирный бутерброд...

Но осенью папа наказывает командированному в Красноярск привезти нас в Кожевниково во что бы то ни стало. И маме пришлось, конечно, собираться, и последним авиарейсом мы полетели туда.

А от Красноярска у меня осталась в памяти история, которая наделала в столовой много шума, и виновницей этого шума была я. Однажды я увидела, какой крохотной ложечкой наливают масло (скорее всего это был жир) в тарелки. Мне стало очень жалко истощенных людей и я спрятала эту ложечку — чтобы наливали большой. В столовой поднялся переполох, т.к. она была единственная. Меня, конечно, спрашивали, но я упорно молчала. Только в Кожевниково открылась вся истина, когда мама нашла спрятанную мною ложечку. Мне, наверно, хорошо досталось, раз я до сих пор помню об этом...

В Кожевниково мы летели на большом красном четырехмоторном самолете, который пилотировал легендарный летчик Черевичный. В самолете было очень холодно. Все сидели на вещах. Стоять в полный рост и передвигаться могли только дети. Приземлились недалеко от поселка.

В ожидании нашего приезда сослуживцы приносили

папе выдаваемые на месячный паёк сладости, которые складывались в маленькую белую тумбочку. К нашему приезду её почти полностью заполнили конфетами и шоколадом. Я не сочиняю и не преувеличиваю — жителей Нордвикской экспедиции обеспечивали продуктами очень хорошо. Во время войны нас снабжала Америка по ленд-лизу. Завоз шел морским транспортом через Нордвик и самолетами через аэропорт Косистый. Помню хорошо баночки томат-пасты с яркой надписью «Мадонна» и красивое лицо девочки на этикетке. Все овощи в сухом виде. Лук порошком, морковь, свекла, картошка мелкими дольками и всё — в красивых больших коробках. Масло, сгущёнка и тушёнка — в больших банках. Помню, что колбасный фарш был в небольшой плоской продолговатой баночке, к крышке которой крепилась маленькая ручка для открытия этой баночки. Значительно позже — уже в 60-е годы — были в продаже в Ленинграде рыбные консервы с похожим устройством.

Продукты выдавались на месяц по карточкам без денег и в достаточном количестве. Рыбу, дичь, мясо оленя в обмен на чай, курево, сахар, брагу (готовили сами из сахара, воды и дрожжей) привозили коренные жители тех

мест — якуты. Летом чаще всего пригоняли диких оленей, привязанных к упряжке. Жители выбирали, а затем якуты забивали выбранных оленей за посёлком,

На оленях приезжали местные жители — якуты.

Дина ДУДИНА

разделывали туши. Спущенную кровь якуты выпивали сразу. Это их любимое лакомство. Зимой обычно привозили уже разделанные замороженные туши. Помню, как однажды мои родители пилили около дома такую тушу и в это время появилось северное сияние такой необычной красоты, что невозможно было оторвать взгляда. Пока мы любовались красотой, собаки утащили почти всё мясо...

Получалось, что маленький пятачок, находившийся на самом северном крае нашей страны, явился поистине спасительным убежищем на протяжении почти двух десятилетий для занесённых сюда войной и судьбой из разных мест людей...

ПЕРВЫЙ

Не было бы никакого Нордвика и никакой этой истории без талантливого руководителя и геолога — Тихона Матвеевича Емельянцева. Он настолько много значил в судьбе этого региона, что ему я хочу посвятить отдельную главу.

Тихон Матвеевич был первопроходцем, исследователем и руководителем геологосъемочных работ с первого и до последнего полевого сезона.

А родился Емельянцев в 1902 году в белорусской деревне Клеевичи в крестьянской семье. Все дети этой деревни учились в сельской четырехклассной школе, которая находилась в двенадцати верстах от дома. В 1918 году по настоянию брата Тихон Матвеевич продолжил учёбу в школе второй ступени в Самотлевичах, которую закончил в 1924 году.

Пока он учился, в 1920 году от сыпного тифа скончалась его мать. В том же году отец женился вторично.

Молодой Емельянцев после окончания гимназии поступил в техникум точной механики и оптики. Но уже летом успешно сдал экзамены в Ленинградский Государственный Университет и его зачислили на геологическое отделение физико-математического факультета, которое он закончил в мае 1930 года. Выбрать профессию геолога ему посоветовала учительница гимназии.

Уже в студенческие годы Тихон Матвеевич начал свою трудовую деятельность. Летом 1928 года он работал старшим коллектором в Чусовской геологической партии, организованной Научно-исследовательским геолого-разведочным институтом (ЦНИГРИ). После возвращения с полевых работ его зачислили в штат этого института техническим сотрудником.

Летом 1929 года в должности прораба и на правах

начальника геологической партии он самостоятельно провёл геологическую съёмку правобережья реки Чусовой в районе устья реки Вашкур и Чусовского завода.

Любимым преподавателем Тихона Матвеевича в студенческие годы был профессор Григорий Николаевич Фредерикс, в семье которого он был принят как сын и жил там некоторое время.

В 1938 году отец Тихона Матвеевича был арестован. Никаких сведений о его дальнейшей судьбе нет.

По окончании университета молодой специалист был направлен в качестве геолога в Ленинградский нефтяной геолого-разведочный институт, где его назначили начальником геологической партии для съёмки и поиска нефти в районе западного склона Урало-Уфимского плато.

В начале тридцатых годов по заданию института он возглавил многолетнюю геологическую съёмочную экспедицию для детального изучения побережья Таймыра.

В характеристике, выданной в 1959 году при аттестации в НИИГА (Научно-исследовательский институт Геологии Арктики), говорится: «Старейший геолог-полярник Т.М. Емельяцев является опытным и высококвалифицированным геологом, хорошо знает геологию Арктики и в совершенстве владеет методикой полевых работ в условиях Севера. Он первым начал геологическое освоение Нордвикского района, являющегося одним из наиболее перспективных нефтеносных регионов Советской Арктики. За время работы в Арктике Т.М. Емельяцевым проведены маршруты геологических исследований в труднодоступных районах рек Хатанги, Хеты, Анабары и полуострова Таймыр, проводились площадные геологические съёмки в названных районах. Результатом этих работ явилось открытие ряда месторождений различных полезных ископаемых...»

В конце 1946 года Тихон Матвеевич был принят в члены ВКП\б. В общественной жизни он был с 1941 по 1951 год. Агитатор и доверенное лицо по выборам в Вер-

ховный Совет СССР и РСФСР, местные советы и народных судей. В 1947 году избран депутатом, а в 1950 году переизбран в поселковый совет Кожевниково.

В декабре 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Тихон Матвеевич награждён орденом Красного Знамени, в 1948-м — медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-45 гг.», званием и значком «Почетный полярник», грамотой ГГУ Главсевморпути и занесен в Книгу Почета Нордвикской экспедиции.

В разные годы в геологической партии вместе с ним и под его руководством работали Лаппо, Адибеков, Безрудный, Корнелюк, мой отец и многие другие геологи, коллектора, техники, каюры. Ко всем отношение с его стороны было не просто доброжелательным, а во многих случаях просто дружеским.

Тихон Матвеевич был очень добрым, общительным и весёлым. Безгранично любил детей, и мы, дети, отвечали ему взаимной любовью. Был он большим мастером рассказывать анекдоты (чаще всего при этом выдавая себя за главное действующее лицо), которых у него было бесконечное множество на любую тему. А какой он был выдумщик и фантазёр в наших детских играх! Семьи у него долго не было. Шутя, он утверждал, что стоит ему поцеловать девушку, как она вскоре выходит замуж, но за другого.

Уже после войны в Кожевниково он многие годы состоял в гражданском браке с Клавдией Сергеевной Васильевой и помог ей выучить двух дочерей Иларию и Алевтину.

Клавдию Сергеевну я плохо помню. По неизвестной мне причине Тихон Матвеевич приходил к нам в Кожевниково почему-то всегда один, а в Ленинграде — обычно с внучкой Катюшей. Единственный раз они были вместе у нас на праздновании серебряной свадьбы моих родителей.

Тихон Матвеевич Емельянцев и Клавдия Сергеевна Васильева.

Большую заботу проявлял Тихон Матвеевич о внучке Катюше, помогая постоянно деньгами и дорогими подарками. Уже после Нордвика, в Ленинграде, он жил с сестрой в ее коммунальной комнате, а летом в основном на своей даче в Рощино. Туда летом отдыхать приезжала его Клавдия Сергеевна и Катюша. Часто гуляя с маленькой девочкой, он всем представлял ее своей родной внучкой и хитро улыбался в бороду, прищурив глаза, когда говорили, что Катюша очень похожа на него. Зимой Клавдия Сергеевна жила у одной из дочерей в Ленинграде. Об этом периоде жизни Тихона Матвеевича подробно рассказано в письме Алевтины Николаевны и Иларии Николаевны Артемьевых — дочерей Клавдии Сергеевны.

«...Радость от встреч с родными в Ленинграде вскоре сменилась бытовыми неурядицами. Дом, в котором жил до войны Тихон Матвеевич, от попадания бомбы был частично разрушен. Соседи заняли его квартиру. Он не стал

требовать освобождения своей квартиры. И человек, бесстрашный в борьбе с природной стихией Севера, не смог себя защитить в бюрократической атмосфере. Его не поставили на городскую очередь для получения нового жилья...

...С приездом родителей начались хлопоты по обмену нашей комнаты на большую жилплощадь. Временно Тихон Матвеевич ночевал у сестры Полины Матвеевны, где был прописан...

После получения по обмену отдельной небольшой квартирki, Тихон Матвеевич поселился у нас. В маленькой комнате жила старшая сестра с мужем и маленькой дочуркой Катюшей, а в большой комнате были кровати для мамы-бабушки, для дедушки, как стали звать теперь Тихона Матвеевича, за ширмой — для младшей сестры, а на ночь устанавливали раскладушку для Катиной няни. Утром вставали по очереди в зависимости от времени ухода на работу. Жили спокойно. Часто нас посещали друзья-северяне, а также друзья молодых членов семьи. Тихон Матвеевич особенно любил молодежь и детей.

...В 1960 году был сдан дачный дом. Наши родители с энтузиазмом осваивали новую территорию. К этому времени они оба были на пенсии и наслаждались лесистой красотой Карельского перешейка, сочетая летом труд по благоустройству с отдыхом. Зимой приезжали с внучкой на время ее каникул.

Все теплые и нетеплые вещи, меховые спальные мешки, меховую одежду, валенки и другие вещи, привезенные из Кожевниково, были отправлены в Белоруссию его многочисленной родне. По мере надобности он помогал деньгами братьям и сестрам, а также их детям...

...Несмотря на то, что старшая дочка Клавдии Сергеевны уже имела кооперативную квартиру, жилищные условия оставались тяжелыми. К этому времени младшая её дочка вышла замуж и в квартире появилась малышка.

Мама стала страдать спазмами головного мозга. В конце концов, она попала в больницу с микроинсультом. Плохо стала видеть, вероятно, сказалась длительная работа с микроскопом.

У Тихона Матвеевича тоже появились головные боли от высокого давления. И, конечно, давала себя знать травма бедра. Тихон Матвеевич стал большей частью жить у сестры Полины Матвеевны...»

Будучи большим специалистом в области геологической съемки, Емельянцев все годы своей многолетней работы на Таймыре посвятил геологическому изучению и составлению первых геологических карт этого региона. Результатом этих многочисленных маршрутных исследований побережья Таймыра от Хатангского до Анабарского заливов и вглубь полуострова было открытие залежей соли, угля, выходов жидкой нефти в разных точках территории, обследованной отрядами геологов под его руководством. Все свои знания он с большим желанием и терпением передавал молодым сотрудникам. Начиная с 1942 года почти все годы проработал с моим отцом.

Емельянцевым много написано геологических отчетов и опубликовано научных статей. Отношение моих родителей к нему было почти родственное, и он им отвечал тем же. Уже в конце жизни, узнав о смерти моей мамы, прикованный сам к постели тяжелой болезнью, он три дня отказывался от еды и своего любимого чая — все эти дни молчал и всхлипывал, отвернувшись к стене.

Я выросла на глазах и под влиянием этого, наверное, не очень счастливого, но славного, слегка прихрамывающего, с палочкой и огромной, как у Карла Маркса, бородой, человека. Зимой в шубе он походил на Деда Мороза, чем очень гордился и острил, рассказывая всякие небылицы, якобы с ним произошедшие в новогодние дни.

Ногу он сломал в один из полевых сезонов, свалившись с обрыва. Подробности об этом печальном событии

я узнала от одной из дочерей его жены. Было это так. В полярную ночь в середине января 1949 года при переезде с участка Сындаско (в 150 км от поселка Кожевниково) Тихон Матвеевич вместе с каюром, оленями и нартами упал (была сильная пурга) с 40-метрового обрыва на лед Хатангского залива, получив в результате сильные уши-

Обрывистые берега залива.

бы и глубокий вывих тазобедренного сустава. На базу в Кожевниково был доставлен только на восьмые сутки. Врачи экспедиции смогли оказать первую помощь, после чего его отправили в Москву. Там Емельянцев прошел длительное и очень трудное лечение. Несмотря на все усилия и даже поездку в санаторий-грязелечебницу, больная нога ограничивала передвижение пешком — так необходимое геологу-съемщику в полевых условиях. Тихон Матвеевич не жаловался на боль, но без палки ему уже было трудно передвигаться. Высокий, дородный, с шикарной бородой (он ее отрастил в больнице и очень ею

гордился), в пальто на лисьем меху, в меховой шапке с инкрустированной металлом палкой он выглядел очень импозантно...

Как истинный геолог-полевик он очень любил чай, который готовил по особому рецепту, приговаривая при этом, что чай должен быть крепким, сладким и горячим, как поцелуй.

Я начала свою трудовую деятельность в геологической партии, которую он возглавлял. На работу он приходил очень рано и к нашему приходу готовил чай. Зимой это было особенно приятно, т.к. многие тратили на дорогу много времени. Прихлёбывая из чашки горячий напиток, он не забывал повторять еще одну любимую фразу: «Как хорошо, когда чай хочется, когда он есть и когда его пьешь...»

Период моей работы под началом Тихона Матвеевича совпал с периодом хрущёвской оттепели, а поэтому он мог свободнее говорить о ранее запретном. От него я узнала много об истории и о религии, впервые услышала о Цветаевой и Гумилёве...

У меня есть письмо Ольги Васильевны Лобановой, написанное в 1998 году, в котором она делилась воспоминаниями о моем отце. Есть в этом письме строчки и об Емельянцеве.

«...Мне посчастливилось встретиться с Тихоном Матвеевичем Емельянцевым в 1952 году, когда я после окончания Университета поступила на работу в Институт Геологии Арктики, где проработала до выхода на пенсию.

Меня пригласили тогда на собеседование к двум маститым учёным — Т.М. Емельянцеву и Е.М. Люткевичу. Помню, что я очень волновалась и поначалу отвечала очень робко. Но весь облик Тихона Матвеевича создавал такую добродушную, неофициальную, располагающую к себе обстановку, что мой страх быстро улетучился. В последствии я убедилась, что юмор был неотъемлемой чер-

той его характера. Он мог на заседании Учёного Совета при большой аудитории разрядить напряжённую обстановку, сказав что-то шутливое и остроумное. Юмор, по словам Тихона Матвеевича, спасал его в различных ситуациях на тернистом жизненном пути...

...Тихон Матвеевич, будучи прекрасным практиком в полевой геологии, с готовностью делился своими знаниями с молодыми геологами, никогда не позволяя себе посмеяться над их незнанием и неумением...

Свободно разговаривая на якутском языке, он легко и естественно общался с якутами, обращаясь к ним так же уважительно, как к своим коллегам по работе.

Большой научной заслугой Тихона Матвеевича является то, что в начале 30-х годов, когда он работал в Хатангской депрессии и на юго-востоке Горного Таймыра, он один из первых предсказал перспективы Нордвикского района на нефть, что послужило основанием для начала там разведочных работ...»

Надо сказать, что многочисленные неурядицы пагубно сказались на его здоровье. Еще в военные годы, получив известие о гибели на фронте одного из братьев, он начал выпивать. Это продолжалось и после войны, что очень отразилось на его дальнейшей карьере. Выше начальника геологической партии он не поднялся. Друзья делали всё возможное, чтобы он меньше пил. После перенесённой «белой горячки», которая случилась по дороге на полевые работы летом 1956 года в поезде, он не пил и не курил более четырех лет. Но после ухода на пенсию в 1961 году, от всей неустроенности, снова принялся за старое. Брат и сестра (оба медики) пытались его лечить, но безрезультатно. В 1969 году он почти все время лежал, т.к. стали отказывать руки и ноги. Родственники поместили его в пансионат для престарелых под Ленинградом, где он и скончался летом 1970 года...

Думаю, рассказ об этом удивительном человеке был

бы незаконченным, если бы я не дополнила его еще несколькими выдержками из писем дочерей Клавдии Сергеевны Васильевой — о жизни в Кожевниково.

«...Потом, когда Тихон Матвеевич и мама Клавдия Сергеевна решили пожениться, мы переехали к нему в небольшой дощатый домик, который называли балком. Стены домика были двойными с засыпкой из шлака. При входе к домику был пристроен тамбур. Дом состоял из трех маленьких комнат, одна из которых служила кухней... Жили мы очень дружно и хорошо. Очень хозяйственный и трудолюбивый человек, он после рабочего дня всегда находил время для работы по дому: приносил уголь для топки печи, расчищал от снега площадку вокруг дома, носил воду, разделявал замороженную оленью тушу, которую заготавливал на зиму на мясо. Оленину обычно привозили из стойбищ знакомые Тихона Матвеевича якуты-оленьеводы, которые часто помогали ему летом в полевой сезон. В нашей семье их принимали очень радушно. Очень вкусно он умел готовить солёную вяленую рыбу — юколу...»

«...Семья Емельянцева-Васильевой слыла хлебосольством. Как говорили в экспедиции: «У Васильевой всегда горячие пироги». Все удивлялись, когда только она успевала их выпекать. А секрет был очень прост: в свободное время она пекла с разными начинками несколько больших пирогов и горячими выносила их в тамбур на мороз. Большой ящик в тамбуре служил морозильником. Когда приходили гости, от пирога отламывался, а иногда откалывался (так сильно он был заморожен) нужный кусок, разогревался во всегда горячей духовке и подавался гостям как свежее испеченный...»

«...С наступлением весны и до глубокой осени Тихон Матвеевич уезжал на полевые разведочные работы со своим отрядом и каюрами-погонщиками оленей. Оленей зап-

рягали в нарты, на которых везли продукты и снаряжение на весь полевой сезон...»

«...Тихон Матвеевич был богатырского телосложения и в день пешком мог пройти ни один десяток километров. Однажды во время полевых работ он нашел в тундре клык мамонта. А как-то привез купленные у якутов вещи шамана — обтянутый кожей бубен и колотушку к нему в виде человеческой руки, тоже обтянутую кожей. Эти вещи он в последствии сдал в Музей антропологии и этнографии АН СССР (Кунсткамеру)...»

«ДОХТУР»

Итак, с осени 1943 года опять наша семья вместе.

Видно, с жильём в Кожевниково было плохо, т.к. для нас нашли балок (он состоял из комнаты и кухни) на мысе Илья, хотя папа работал в геологическом управлении в самом Кожевниково. Маме пришлось месяц, а может, два не работать, пока не появился зимник с наступлением холодов. Появившаяся дорога и связала посёлки. Наш балок перетащили в Кожевниково и установили около управления. Из окна папиного кабинета он был хорошо виден. Папа тогда работал старшим геологом.

Маму должны были направить на работу в столовую, однако, за несколько дней до её выхода столовая полностью сгорела. И мама приняла продуктовый магазин. Основной работой была выдача продуктов по карточкам, отправка продовольствия геологам на участки. В продаже продуктов за деньги в эти годы не было. Спиртное выдавали по талонам к праздникам и ко дням рождения.

Работа в магазине чуть не закончилась страшной трагедией для нашей семьи. А начало этой истории связано, как ни странно, с самым счастливым днём: объявили окончание Великой Отечественной войны.

В каждом балке обязательно висела знаменитая тогда круглая черная тарелка, которая сообщала последние экспедиционные новости и транслировала музыку. Диктором много лет был Александр Страхов. Оборудование было очень слабым, иногда ему удавалось даже осуществлять прямую трансляцию из Москвы. Тогда мы буквально прилипали к еле-еле говорящей тарелке. Обычно сведения получали из аэропорта Косистый, где была более устойчивая связь с Москвой, и Саша передавал новости в изложении. Вести приходили разные, ведь у всех близкие были разбросаны по всей стране. Почту и газеты привозили редко и сразу пачками.

Наступил май 1945 года и долгожданное известие о победе над фашистской Германией. Всё население собралось на площади в центре посёлка на митинг. Взрослые много говорили, пели, плакали. Одеты в валенки, телогрейки и полушубки, все танцевали под гармонь и гитары. А затем пошли на залив всей толпой, шли по зимнику долго, ликовали. Впереди — начальник экспедиции, сотрудник КГБ и милиционер, которые стреляли из пистолетов. Вообще-то на всю экспедицию только у них было оружие. Да еще ружья на буровых и метеостанции, куда периодически навевывались волки и даже медведи. Кто-то пускал из ракетницы ракеты. Короче говоря, было всеобщее ликование и веселье.

По случаю великого торжества руководство выделило спирт в большой железной бочке для раздачи населению. Бочку поставили в магазине около печки (магазин располагался в маленьком балке). В первых числах мая в тех краях ещё стоят морозы и, конечно, печку топили. Маме и Пανε Борисовне Беркович поручили раздать этот подарок. Когда подсчитали итог, то получились большие

Весенний погожий день в Кожевниково.

излишки. Времена тогда были очень строгие. Мама очень испугалась, что её привлекут к судебной ответственности и посадят. Она осталась вечером в магазине после ревизии и решила повеситься. На наше счастье, она забыла закрыть на защелку дверь — мимо проходил житель посёлка и обратил внимание на свет в окне магазина и отсутствие замка на двери в такое позднее время. Ещё бы несколько минут — и было бы поздно. Когда он вошел, мама уже пристраивала веревку, стоя на табуретке. Пока выясняли причину, нам было очень страшно. Хорошо, что быстро разобрались. И история оказалась почти анекдотичной, если не считать, конечно, первоначального шока моей мамы. Все дело было в том, что устанавливая бочку, совсем забыли о законах физики — спирт при нагревании расширяется. А бочка к тому же была еще и железная!

Рассказывая эту трагическо-комическую историю я упомянула Пану Борисовну Беркович. И не могу удержаться, чтобы не рассказать подробнее о замечательной женщине, которая тоже много сделала для людей норд-викской экспедиции и коренных жителей района.

Пана Борисовна родилась в Сибири в 1902 году. Училась в Иркутске. Закончив учебу на зубного врача, она решила не возвращаться домой, а в свои 19 лет уехала на строительство Комсомольска-на-Амуре. Жизнь там кипела, бурлила. Вскоре она вышла замуж за молодого инженера по имени Лондон. Но были они вместе всего пару лет — мужа арестовали и только при Хрущеве освободили. Пана не могла его забыть.

После ареста мужа в 1936 году она оказалась на Диксоне. А когда образовалась нефтеразведочная экспедиция в Кожевниково, переехала туда работать врачом. Это была женщина необычной трудоспособности, энергии, оптимизма, большая любимица в обществе. Очень ее любили дети, несмотря на специальность зубного врача. Впро-

чем, нам редко приходилось лечить зубы. А пломбу, которую она мне поставила в начале 50-х годов в Кожевниково, простояла более четверти века, пока я не сломала зуб. Вот так тогда работали врачи...

Когда мой отец весной 1943 года прилетел в Кожевниково, Пана Борисовна уже несколько лет работала в поселковой больнице, часто выезжая на участки и в стойбища якутов. Она была единственным зубным врачом на весь Нордвикский район.

Я её помню с пятилетнего возраста, когда меня привезли в Кожевниково. Затем на протяжении многих лет до её кончины мы были либо рядом, либо переписывались.

Знакомство началось с того, что она вместе с другими жителями поселка выходила моего отца, когда он сильно истощенный приехал в Кожевниково. Впрочем, все, кто в тяжелые военные и первые послевоенные годы приезжали туда, сразу окружались вниманием и заботой, ибо это, как правило, всегда были измученные голодом и болячками люди.

К нам в Кожевниково, кстати, попали и люди, которые чудом уцелели, когда немцы разбомбили вблизи Диксона транспортный караван судов.

В августе 1942 года в районе Диксона развернулись боевые действия. Чтобы потопить наш северный ледокольный флот, захватить порты и базы и тем самым создать блокаду для северных территорий, гитлеровским командованием был направлен в Карское море линкор «Адмирал Шеер». Это был по тем временам самый мощный, самый защищенный, самый вооруженный боевой техникой, включая торпеды и самолет, грозный бронированный корабль. Операция проходила под кодовым названием «Вундерланд».

И вот 25 августа линкор встретил в районе архипелага Норденшельда, довольно близко от Диксона, почти не

вооруженный наш ледокольный пароход «Александр Сибиряков», на котором было всего четыре 76-миллиметровые пушки. На предложение сибиряковцам сдаться, моряки открыли по врагу огонь, который не мог нанести, конечно, линкору никакого существенного вреда. Ответным огнем противник буквально изрешетил пароход. Сообщив по радио о приближении к Диксону вражеского корабля-чудовища, на «Сибирякове» открыли кингстоны — его экипаж повторил подвиг легендарного «Варяга».

В ночь на 28 августа гитлеровский корабль появился у берегов Диксона, который не был серьезно защищен. Успели только кое-как после получения сигнала об опасности подготовить к обороне батарею полевых орудий, готовых ранее в порту к отправке на фронт, а также малокалиберные четыре пушки на небольшом судне «Семен Дежнев», переоборудованном в сторожевой корабль. На Диксоне был организован небольшой отряд народного ополчения, вооруженный винтовками и противотанковыми гранатами. От первых вражеских снарядов в порту начался пожар. Однако, снаряды из всех имеющихся боевых орудий полетели на крейсер, где появились раненые и возникали места пожары. Отказавшись от намерения высадить десант, крейсер зашел с другой стороны острова и после нескольких залпов по поселку под дымовой завесой ушел восвояси.

В дальнейшем немцы неоднократно топили транспортные караваны, но к Диксону больше не подходили. Тяжело раненных в том сражении отправили в Норильск, а с более легкими ранениями для долечивания привезли к нам, в Кожевниково.

Только через несколько десятилетий стало известно, что, после обстрела немцами Диксона и гибели нескольких транспортных караванов судов, в район Диксона и ближайших островов были переброшены незначительные военные подразделения и кое-какая военная техника, а

также снабдили грузовые суда средствами защиты. До этого времени все население арктического побережья враги могли бы взять голыми руками.

Но это так, к слову.

Почти сразу после окончания войны Пана Борисовна снова вышла замуж и переехала к мужу на Нордвик. Бывая по работе в Кожевниково, они всегда останавливались у нас. В нашем доме Пану Борисовну называли всегда Паночкой, поэтому, с вашего позволения, далее я буду в основном так её называть.

Пана Борисовна Беркович с мужем.

В стойбищах прямо в чуме она разворачивала свой зубной миникабинет и оказывала якутам врачебную помощь. В лучшем случае «кабинет» располагался в «красном чуме», т.е. в доме председателя колхоза, которым был чаще всего присланный в годы коллективизации бывший комсомолец-доброволец.

Якуты очень любили Пану-«дохтура». Привезя в посё-

лок мясо, рыбу и дичь, они первую остановку всегда делали у неё дома или там, где она гостила. Никто эту традицию не пытался нарушить.

Наша Паночка частенько попадала в разные забавные ситуации. Теперь понимаешь, что многие из них граничили со смертельной опасностью. Но они были молоды... Вот одна из них.

Пана Борисовна была полной дамой, а поэтому меховой костюм на неё натягивали с большим трудом, а брюки обычно не застёгивались. Когда она на оленьей упряжке выезжала в стойбище якутов, то кроме мехового костюма приходилось живот закрывать оленьей шкурой, а затем уже сверху на неё натягивали тулуп. Получался большой колобок, который водружали на сани, покрытые шкурой оленя, затем ноги прикрывали также шкурой оленя. Якут-каюр садился в первые сани, к которым прикреплялись сани с пассажиром. Вот в таком виде её перевозили от стойбища к стойбищу. В одну из поездок Паночка, как была, вывалилась из саней и, конечно, осталась лежать на снегу, не имея возможности даже шевельнуться. Вот так и лежала, пока каюр не схватился о потерю своей любимой Паны. Повезло, что погода была хорошая и каюр её быстро нашел. А сколько раз она подмороживала живот и ноги — никто не считал! Ведь частенько при переезде шкуры сползали и их невозможно было самостоятельно в пути водрузить на место. А каюр едет и поёт во весь голос обо всём, что видит. Сколько его ни зови, всё равно не услышит...

Связь между экспедиционными участками, находившимися на значительном расстоянии, осуществлялась трактором с прицепленным балком, установленным на сани. Балок отапливался железной печкой «буржуйкой». Бывали случаи, что попадали в пургу и плутали по несколько дней по тундре. Движение такого сооружения

очень напоминало в лучах полярного сияния перемещение неземной фантастической машины.

Передвигались от участка к участку ещё на собачьих упряжках. За посёлком была специальная площадка для их содержания. Почему-то всегда к легким саням запрягали двенадцать собак. Такая упряжка могла развить скорость автомобиля. На собаках обычно ездили на небольшие расстояния. Чаще всего так ездили в порт Илья, что был в 7 километрах от Кожевниково, в аэропорт Косистый — за 25 километров и на ближайшие буровые. Основная связь между поселком, портом Илья и аэропортом осуществлялась автомашинами и вездеходами. Так доставлялись грузы, поступающие в навигацию теплоходами Северным морским путём. Связь с аэропортом Косистый еще осуществлялась самолетом У-2, а позднее По-2, а летом еще и катером из порта Илья.

Будучи очень общительной, доброй, компанейской, Паночка всегда была окружена друзьями.

Остатки отслужившей свое автомашины. Фото 2005 года.

Ольга Ивановна Ценкер в своей книге воспоминаний (о Кожевниково и бухте Угольной) описала случай, свидетелем которого оказалась. Однажды она и Пана летели вместе в отпуск на одном самолете. Летчики сделали посадку для дозаправки. Пана Борисовна исчезла. Её так долго не было, что уже хотели лететь без неё. В этот момент появилась Паночка, нагруженная гусями и утками, которые связками свисали на шее, а ещё несколько она держала в руках за лапы — она не могла прилететь в Москву без северного сувенира.

А ещё мне помнится её рассказ о том, как она просила в центральном гастрономе «Елисеевский» в Ленинграде, уже в 60-е годы, продать ей куропаток, лежавших в витрине: для увеличения разнообразия ассортимента там периодически выставлялись разные экзотические продукты, но довольно сомнительного качества. Поэтому продавец долго отговаривал Пану от покупки этих куропаток. Чтобы она от него отстала, был вынужден сказать, что этот товар продаётся только за валюту иностранцам, чем очень её огорчил.

А ещё её (и многих северян) любимым блюдом была строганина. Это тонко настроганная свежемороженая рыба. Обычно ломтики сразу погружали в острый соус (макало) и ели. Иногда так приготавливали оленину. Так как не хватало витаминов в нужном количестве, строганину из рыбы и оленины давали детям. Якуты вообще всё употребляли в сыром виде. Жарить и варить в их понимании означало испортить продукт.

В 1948 году Пану Борисовну арестовали за якобы спекуляцию. К этому приложил усердие прокурор Сердюков, чья жена любила говорить: «Мой муж прибыл сюда, чтобы очистить эти места от скверни людской». Ещё хорошо, что местные правоохранительные органы не знали, что в это время старший её брат сидел. Иначе её засудили бы и выслали в ещё более отдалённые места. Па-

ночку взяли прямо за чаем в дружеской компании. Ворвались в квартиру даже без стука, ведь двери на защёлку не закрывали. Без всяких объяснений схватили и увезли в кутузку, которая находилась в маленьком балке около электростанции. Предполагаю, что в обязанности военизированного отряда входила охрана электростанции и этого балка. Когда в сильную пургу приходилось с санками приезжать за углем, дежурный выходил из него и помогал загружать уголь.

С очень большим трудом мужу удалось Пану Борисовну вытащить из этой истории. После освобождения Паночка с мужем переехала на Косистый, где они жили ещё несколько лет после закрытия экспедиции. Но старость у Паны Борисовны тоже была безрадостной.

Благодаря крепкой северной дружбе с Абрамовым, который в Кожевниково в годы войны работал в КГБ, а затем в Москве в звании генерала занимал важный пост, Пана Борисовна получила московскую прописку и комнатушку в 12 квадратных метров в большой коммунальной квартире. Несмотря на свой преклонный тогда возраст, вела активный образ жизни. Часто навещала старых друзей, принимала их у себя, обзавелась новыми, уже московскими, друзьями. Будучи большой любительницей театра, она часто получала приглашения на встречи в Дом актера им. Яблочкиной, куда даже многим артистам было сложно получить приглашения. Благодаря Пана и ее друзьям я смогла увидеть в Москве даже труднодоступное для москвичей. Дважды я была на встречах в Доме актера, где убедилась, что Пану Борисовну там многие знают. Мы были в Большом театре на балете «Спартак» с Васильевым и Максимовой в главных партиях — тогда они только вернулись из гастролей по Америке и были в зените славы. В театре были только иностранцы. Мы билеты приобрели через общество «Интурист». Там же я брала билеты на экскурсии по музеям Кремля и на междуна-

родные показательные выступления по фигурному катанию чемпионов Европы...

Позже в наших экскурсионных походах Пана уже, конечно, не могла участвовать, с чем она с трудом мирилась. Пока она была здорова и могла приглядывать за малышами по квартире, соседи относились к ней хорошо. Я у Паны Борисовны гостила в течение месяца в 1970 году и имела возможность сама это наблюдать. Состав жильцов стал часто меняться, т.к. коммуналка превратилась во временное жильё. Находясь в преклонном возрасте, Паночка уже не могла следить даже за порядком в местах общего пользования. Поселившийся в начале 80-х годов молодой жилец с семьёй решил занять её комнату. Работая в милиции, ему удалось сдать Пану в психбольницу. Несколько раз ближайшая подруга Нина Петровна Надеждина забирала её из больницы, возвращала в квартиру и помогала ей. Но сосед опять добивался отправки Паны в больницу. В психбольнице она скончалась в конце 80-х годов. К этому времени все её друзья были старыми, а иных уже не было...

СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО

Меня с родителями во время истории с арестом Паны Борисовны в Кожевниково не было. Когда мы вернулись в феврале 1949 года, она была уже на свободе. Для меня, ребёнка, эта история была первым жизненным ударом, первым столкновением с реальной действительностью.

Нас, детей, старались оградить от проблем и забот взрослых, тем самым продлить и скрасить наше детство в тех трудных условиях. От мамы я частенько получала замечание не влезать в разговор старших («Марш за печку!» — что означало приказ немедленно уйти из кухни в комнату и заняться своими делами). А любимая присказка Емельянцева по отношению к детям была: «Научились бы плясать, а работать горе научит».

Вообще часто от взрослых мы слышали выражение: «У нас не было детства и молодости, так пусть у наших детей оно будет счастливое и как можно дольше...»

Жители посёлка были все очень молоды. Самыми «старыми» были Емельянцев и Беркович — чуть больше сорока лет. А следовательно, дети все были маленькими.

Некоторое время, пока наш балок, находившийся на мысе Илья, не перетащили в Кожевниково, я жила у Шишовых. Виктор Михайлович был начальником по бурению, а его жена Антонина Кирилловна, которая работала в садике, забирала меня к себе домой. Она заставляла меня днем спать и пить молоко. Т.к. я очень плохо ела, то помню, что она разрезала на маленькие кусочки бутерброд и с прибаутками про птичек заставляла меня есть. А однажды поставила в угол за то, что я не спала днем. Я всё время просилась домой, т.к. родители работали, и дома в их отсутствие можно было делать всё, что хотелось.

Прошло очень много лет. Летом 1970 года я навестила Шишовых в Москве. Сын с женой уехали, а внук лет

Дина ДУДИНА

трёх жил у них. И опять Антонина Кирилловна резала на ломтики бутерброд и уговаривала есть внука. А какими сказочно вкусными пирогами она угощала меня при этой встрече! С тех пор я таких и не пробовала! А я через всю Москву везла им торт, который мне в метро смяли в лепёшку...

Позже, когда мы перебрались в Кожевниково, я некоторое время ходила в детский садик, который занимал довольно большой балок. В этом же балке размещались первоначально начальные классы школы. Первой моей учительницей была машинистка. Утром она нас учила, а

В школе.

вечерами печатала геологам. Учились в одной комнате 1-й и 3-й классы, а в другой комнате 2-й и 4-й, которые вела заведующая.

Учебники были только для учителя. Поэтому всегда все сидели за одним столом. Тетради родители нам делали, сшивая листы бумаги и линую их вечерами через ко-

пирку. Иногда папа приносил с работы линейку со специальным устройством, тогда дело продвигалось значительно быстрее. Уроки чаще всего делали в школе — дома нас боялись оставлять одних, так как все время топилась печь.

Помню, что наш балок горел как-то утром 1 апреля. Папа не поверил, когда ему сказали, посчитав за глупую шутку, даже не подошел к окну, из которого был виден наш балок. Потушили быстро, так что пострадали только полы около печки да ватники на вешалке, которые увидел выброшенными около дома папа, придя домой на обед.

А ещё 1-го апреля, но уже в 50-е годы, произошел трагический случай. У одного из геологов менингитом заболел сын. Однако, через некоторое время врачи признали этот диагноз ошибочным. На радости от сердечного приступа ночью отец скоропостижно скончался. Никто не поверил первому сообщению о трагедии...

После Победы в нашей школе появились новые ученики, большинство из которых в военные годы не учились. Для них были организованы отдельные занятия вечерами. Некоторые ребята были значительно старше нас, а поэтому они держались своей группой. К некоторым из них мы при обращении, кроме имени, добавляли «тётя» или «дядя». Об ужасах войны мы кое-что узнавали от вновь прибывших. Ведь нас привезли в эти края настолько малыми, что мы сами очень мало помнили о происходящем в стране кошмаре. Правда, приехавшие дети старались меньше вспоминать о тяжелых годах. Фильмы о войне стали привозить значительно позже.

К концу сороковых в Кожевниково построили для школы специальное одноэтажное здание. Каждый класс теперь имел отдельную комнату, были ещё комната для школьных сборов, учительская и даже вешалки для пальто. В классах стояли настоящие школьные парты со спе-

специальными углублениями для ручек и чернильниц-непроливашек, школьные классные доски. Гордостью школы был большой глобус. Отпала необходимость делать тетради из оберточной бумаги и линовать их. Теперь их выдавали в достаточном количестве. Больше стало учебников, но некоторым старшеклассникам выдавалось по одному на два-три ученика. Очень хотелось писать ручкой с пером «уточка», как у взрослых, так как ими писалось мягко и легко. В школьных тетрадях разрешалось писать только пером № 86, которым можно было выводить буквы и цифры тонко с нажимом. Каждый знак должен был иметь определенную толщину в определенных местах при написании. На специальном уроке чистописания учили этой премудрости. Этот урок я терпеть не могла даже больше урока физкультуры. Оба они доставляли мне много неприятностей...

В старших классах все чертежи выполнялись тушью, а надписи — шрифтами по существовавшим тогда специальным стандартам. Основными инструментами служили специальное чертежное маленькое тоненькое перо, готовальня с циркулем и рейсфедером да линейки. Теперь остается только удивляться, как мы успевали выполнять многочисленные чертежи. Этими же инструментами пользовались чертежницы в геологическом отделе, вычерчивая многочисленные геокарты в нескольких экземплярах для отчетов.

Училась я хорошо. Школа уже была семилетней, а затем стала десятилеткой. Из Красноярска приехали молодые учителя после окончания педучилища.

Почти все время мы проводили в школе, занимаясь после уроков в разных кружках, которыми руководили учителя, а иногда жители поселка. Одно время мой папа руководил шахматным кружком. А еще Валерия Владимировна Туган-Барановская организовала детскую самодеятельность.

Валерия Владимировна была женой Семена Григорьевича Адибекова, который был начальником экспедиции в послевоенные годы и до полного ее закрытия. У них было четверо детей. Все мальчики. Младший родился то ли в Кожевниково, то ли его крохой привезли. Старшие братья таскали его на руках или качали в самодельной качалке. Дома они сами поддерживали идеальный порядок, поэтому наши родители их нам часто ставили в пример.

У меня есть выдержка из письма А.А. Чекаловой, адресованного директору музея в г. Норильске Л.Г. Печерской: «...Руководила самодеятельностью жена Адибекова Валерия Владимировна Туган-Барановская. Бывшая балерина Бакинского оперного театра. Все обожали эту добрую красивую женщину, мать четырёх очаровательных

Дети Кожевниково.

мальчишек. Вела она и детскую самодеятельность. С большим успехом шли на сцене клуба-столовой спектакль «Кошкин дом» и оперетта «Свадьба в Малиновке»...

Коснулась спектаклей — и сразу вспомнила про новогодние праздники. Ёлок-то в округе не было! А как без

новогодней красавицы встречать праздник? Выход был найден. Дети вместе со взрослыми вырезали из брезента что-то похожее на иглы, затем брали в руки клей, проволоку, еще брезент, деревянный столбик с крестовиной и — получалась новогодняя елка!

Игрушки тоже сами мастерили. Однажды были гости из управления Главсевморпути, так они приняли наше «изобретение» за настоящую ёлку, а когда пригляделись, то ахнули от удивления! Потом они нам стали присылать настоящую елку с игрушками, а иногда фрукты для детских подарков. После новогодних торжеств елку разбирали на маленькие веточки и бережно хранили дома.

Зимой в редкие часы отдыха родители катались с нами с гор на санках. Странно, но почему-то не было лыж, хотя условия позволяли. Пытались расчистить волейбольную площадку под каток, когда привезли несколько пар коньков. Но это было очень хлопотным делом. В основном катались по взлетной площадке на заливе. Чтобы досталось всем, то каждый привязывал только по одному коньку к валенкам.

В это время пилотом местного самолета По-2 была женщина-легенда Ольга Студенецкая. Чтобы взять в рейс больше груза или людей, то летала чаще всего без механика. Из-за плохой подготовки взлетно-посадочной полосы зимой на заливе самолет частенько переворачивался. Неоднократно мы были этому свидетели и, конечно, помогали ей выбираться из-под машины и ставить самолет в нормальное положение. К счастью все заканчивалось благополучно. Кроме пилота в самолете было еще место для двух человек. Когда мы с мамой улетали из Кожевниково насовсем летом 1953 года, то я с небольшим багажом летела в аэропорт Косистый этим самолетом, а следующим рейсом Студенецкая привезла маму с остальными вещами. Позже Ольга летала на Чукотке.

Летом ребята гоняли футбольный мяч за поселком

На таких самолетах летали в те годы.

на площадке летного аэродрома. В центре поселка была волейбольная площадка, качели и «гигантские шаги» (высокий столб с вертушкой на верху и канатами с петлями для катающихся). Удивительно, как такой длины деревянный столб доставили в эти края. В редкие теплые летние дни уходили на много часов за поселок на берег залива. Излюбленным местом был бывший ротор №5 вблизи от залива. Пока собирались вывезти его деревянную основу, мы ее извели на костры, т.к. в другие места приходилось тащить доски для костра с собой. Частенько засиживались допоздна, ведь часов у нас не было, а солнце светило круглосуточно. В такие вечера приходили после работы к нам родители — хоть немного побыть на природе. Даже комары исчезали на некоторое время в такие часы.

Довольно часто можно было наблюдать в ясную тихую погоду миражи за поселком в направлении летного футбольного поля и в направлении порта Илья. Картина была всегда одинаковая. На горизонте в голубой дымке

вырисовывался большой город с многоэтажными домами, дымящими трубами, деревьями. Казалось, что можно до города просто добраться даже на нашем транспорте. А ведь до больших ближайших городов было много тысяч километров.

Почему-то мне запомнились несколько жалких тощих коров. Они паслись около выстроенного для них коровника. Прожили там не более двух или трех лет, а затем их зарезали из-за болезни. Говорили, что животные не выдержали столь долгого неподвижного стояния в помещении в период наших продолжительных холодов. А еще один из жителей порта Илья привез с материка петуха и двух куриц. Петух в полярный день перепутал день с ночью и все время кукарекал. Хозяину было жалко смотреть на его мучения и пришлось кур резать. Очень хорошо себя чувствовали свиньи, которые летом грязными свободно ходили по поселку, не опасаясь собак. В жару они прятались в тени от домов, вырыв небольшие углубления...

После той истории со спиртом мама сразу уволилась из магазина. К этому времени достроили новую столовую и она стала её первой заведующей. Новая столовая была светлой и просторной. Днем служила по своему прямому назначению, а вечером превращалась в клуб или кинозал. В глубине зала находилась сцена, на которой проходили концерты и спектакли молодежной и детской самодеятельности. Было даже пианино, неизвестно каким образом оказавшееся в этом медвежьем углу.

А ещё была кинобудка с установкой для прокрутки кинофильмов. Для просмотра вместо экрана опускали белое полотно. Вечером к стенам отодвигали столы, а на их место ставили табуретки и самодельные лавки. Чаще всего крутили старые фильмы из собственного запаса, который насчитывал не более десятка. Эти фильмы знали наизусть дети и взрослые. Другое дело, когда привозили са-

молетом 1-2 фильма на один, реже два дня. Эти фильмы крутили многократно, пока не посмотрят все. Если нельзя было закрыть рабочее помещение на время киносанса, то подменяли друг друга. Тогда детям приходилось довольствоваться просмотром кинокартин для взрослых, в лучшем случае, на сцене за полотном, т.е. все шиворот навыворот.

Вот еще воспоминания из того же письма А.А. Чекаловой.

«...Года за два или три до закрытия экспедиции к нам завезли сразу семь редчайших кинокартин: «Девушка моей мечты», «Большой вальс» и другие. Самолет следовал в Тикси. Пока экипаж отдыхал, началась пурга, которая продолжалась несколько дней. Фильмы смогли посмотреть все и даже по два-три раза».

Этот случай я тоже хорошо помню. Тогда мы, дети, смогли посмотреть эти фильмы вместе со взрослыми в зале, да ещё в первых рядах.

Этим самолетом прилетели для работы в Кожевни-

Жители поселка в погожий зимний день.

Дина ДУДИНА

ково два молодых врача, а на работу по распределению мединститута в Тикси летел никому тогда неизвестный молодой врач Юрий Сенкевич. Это я узнала из того же письма. Сама-то я Сенкевича не помню. А Чекалова вспоминает, что Юра был худеньким стройным юношей. Его провожали врачи-«новобранцы». Затем они долго переписывались. Юра сочинил и прислал ребятам «Арктический вальс». Туган-Барановская разучила его с художественной самодеятельностью и вальс этот исполняли на концертах с большим успехом. Позже Сенкевича вызвали из Тикси в Москву и отправили в Антарктиду. А после экспедиции с Туром Хейердалом он стал знаменитостью...

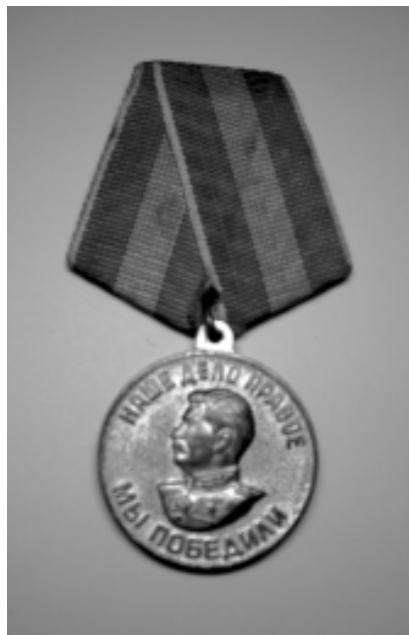

МЕДИКИ

После окончания войны начался отъезд многих жителей экспедиции. Осень-весна 1945-46 годов ознаменовались награждением правительственными наградами многих сотрудников. Папу наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-45 годов» и орденом «Знак почета» (почему-то прозванный в народе «Веселые ребята») и значком «Почетный полярник». В экспедиции едва успевали отмечать их получение.

Папу назначили главным геологом экспедиции. Геологическая служба (камералка) занимала длинное одноэтажное здание с кабинетами по обе стороны общего коридора. Там было тепло и светло, т.к. помещение обогревалось от котельной. Светом обеспечивала электростанция.

В балках отопление было печное. Топили круглосуточно, ведь на плитах готовили и с растопкой была проблема — дров-то негде взять. Печки из кирпича складывались в форме плиты без обогревательной стенки, а поэтому в комнату поступало мало тепла. Самым тёплым местом, конечно, была кухня. Пол всегда был ледяным, а поэтому

*Медаль «За доблестный труд
в Великой Отечественной
войне 1941-45 годов».*

ходили дома в валенках и в майках. Такой был перепад температур. Ночью вставали, чтобы подбросить угля.

Уголь чаще всего подвозили к балкам на санях трактором. Но при сильных заносах приходилось брать санички и привозить в ящике или мешке уголь от электростанции, которая находилась у речки на окраине поселка. Летом воду подавали по водопроводу, проложенному от речки, а зимой таяли лёд, который привозили трактором. Группа рабочих его заготавливала и развозила. Помню случай, когда я лизнула сверкающий белизной кусок льда, а он взял да и примёрз к языку. Хорошо ещё, что кто-то оказался рядом. Долго я сидела у таза с горячей водой. Да и язык долго болел. А ещё раз зимой попробовала языком дверную ручку. Результат был аналогичным. Вот только отогреть было сложнее. Наверно, было так больно, что этот случай запомнился.

На смену уехавшим уже в навигацию 1946 года в экспедицию приехало много народу, что было вызвано расширением объёма работ. Ещё больше приехало в навигацию следующего года. К сожалению, пришлось повесить на двери замки. До этого двери привязывали верёвочкой, так что можно было запросто зайти без хозяев погреться, выпить чаю и даже перекусить. Помню какой был переполох, когда в одной из квартир со стены над кроватью пропали ручные мужские часы. Тогда, наверно, впервые дети слышали слова вор и воровство. Через несколько дней, убирая квартиру, хозяйка нашла их под кроватью...

Вся мебель состояла из стола, табуреток и железных кроватей, под которыми в чемоданах и коробках хранили вещи. После войны, когда в навигацию стали привозить овощи, в квартирах появились «картофельные» диваны, т.к. овощи сразу раздавались по семьям. Обычно нижний ряд ящиков был пустым, потому что на полу картошка замерзала. Есть фото, где мама сидит на таком диване.

Папа очень часто и долго был в отъезде на участках.

Мама на «картофельном» диване.

Работа заведующей столовой оставляла маме очень мало времени для дома. Вероятно по этой причине она через несколько месяцев перешла на работу в больницу сестрой-хозяйкой.

Больница представляла собой длинный барак. Помню, что все ходили в белоснежных халатах.

Все годы существования экспедиции главным врачом был Николай Васильевич Бешкарев. Он попал на Чукотку по направлению после окончания мединститута в Иркутске. Много лет лечил чукчей. А ещё учил их грамоте и торговле. Чтобы их никто не обманывал. В те края постоянно подплывали заокеанские суда и за бесценок у местного населения скупали пушнину или обменивали на чай и водку.

Уже в преклонном возрасте Бешкарев приехал в Кожевниково.

Строгий, требовательный и знающий, он так поставил дело, что лечили от всех болячек, делали сложные операции, принимали роды, пломбировали зубы. Хорошо организованная медицинская помощь позволила спа-

сти многих от смерти, ведь до ближайших медицинских учреждений было очень далеко.

Уже после закрытия поселка под руководством Бешкарева все оборудование больницы перевезли на Косистый и открыли больницу вместо маленького медпункта. Через несколько лет Николай Васильевич скончался там же, на Косистом. Похоронили его в Москве с почестями как заслуженного полярника в звании майора медицинской службы Главсевморпути.

Вместе с врачом Бешкаревым в Кожевниково с Чукотки приехала Ольга Ивановна Ценкер. Она была очень опытной медсестрой, фармацевтом, операционной сестрой и акушеркой. Как-то она принимала роды, которые были очень трудными. Говорили, что только благодаря ей мать и девочка остались живы.

Ольга Ивановна написала позже книжку о Кожевниково и бухте Угольной, где жила до приезда в Кожевниково (выдержки из этой книги я уже приводила в главе «Дохтур»). Бухта Угольная расположена на побережье Анадырского залива на Чукотке. Можно только предполагать, почему туда попала Ольга Ивановна, учитывая её происхождение из довольно зажиточной семьи банковского служащего. Книжка вышла маленьким тиражом после смерти автора.

Некоторые описанные в ней эпизоды я помню очень хорошо. Она очень подробно рассказала о частых и сильных ураганных ветрах, которые обрушивались на посёлок Угольный, разрушая все постройки на своём пути. Были случаи, когда ветром уносило людей в море, не успевших спрятаться в помещении. Чаще это случалось с неопытными новичками, которые от ветра пытались ограться листом фанеры. Лист фанеры превращался в парус. У нас тоже такое бывало...

А еще расскажу один забавный эпизод, который лишний раз подтверждает, что мир тесен.

Однажды в ранней молодости в погожий летний день хорошенькая, изящно одетая Ольга шла по центральной улице сибирского города и вдруг почувствовала, что у неё порвалась резинка на нижней юбке. Она гордо перешагнула через свалившуюся одежду, взяла извозчика и уехала. Эту историю она со смехом рассказывала во время каких-то общих работ уже в Угольном и вдруг один из слушавших эту историю мужчин тут же уточнил в каком городе и на какой улице это произошло и даже какого цвета была юбка. Так на далекой Чукотке в начале 30-х годов встретились земляки.

Ольга Ивановна много курила, любила играть в преферанс в компании мужчин. Говорили, что она была страстным и хорошим игроком. После закрытия экспедиции она уехала к сыну в Ярославль, где и скончалась в конце 50-х годов.

Терапевтом в больнице была Александра Гавриловна Медюк. Она лечила взрослых и детей. Без всякого лабораторного обследования ставила диагнозы. Говорили, что она была очень знающим врачом.

Её муж Медюк Федор Тимофеевич в звании капитана был начальником морского порта на мысе Илья. Для разгрузки был построен причал, позволявший пришвартовываться баржам и лихтерам водоизмещением до 2-3 тысяч тонн. Морские суда стояли на рейде, где глубина фарватера составляла 7-9 м. Груз с пароходов выгружали на баржи и лихтера, которые доставляли его к причалу. Обычно в разгар навигации мужчины, которые могли отложить свою работу на некоторое время, отправлялись на разгрузку в порт. Почти вся разгрузка шла вручную из-за отсутствия самого элементарного разгрузочного оборудования, под дождем и при сильном ветре, т.к. это приходилось на сентябрь месяц. Но люди знали, что от них зависит судьба всего населения района, поэтому ценой своего здоровья они делали невозможное. Особенно хо-

лодной выдались лето и осень 1946 года. В эту навигацию прибыло много народу, которые сразу подключились к разгрузке, но несколько судов так и не успели полностью разгрузить. Часть груза увезли обратно. Два судна остались зимовать, т.к. на них был груз, без которого невозможно было продолжать работы.

В навигацию 1953 года в порту сгорело нефтеналивное судно «Юкагир». Спасали все жители вместе с командой судна. Многие утонули, много было раненых, очень многие получили ожоги. Первоклассный хирург Григорий Александрович Репников сутками не отходил от операционного стола. Рядом с ним трудились недавно приехавшие из Москвы молодые врачи, окончившие Первый медицинский институт — Женя Ипполитова и Сева Александров (те, что летели с Сенкевичем).

Многие полярники предлагали свою кровь и кожу, чтобы помочь несчастным. Многие больные лежали под стеклянными колпаками и на них было страшно смотреть. Самолетами доставлялось необходимое для спасения пострадавших и отправки их в Москву для дальнейшего лечения.

Ф.Т. Медюка и многих работников порта привлекли к уголовной ответственности за организованное вредительство. Но разобравшись, что катастрофа произошла не по их вине, оправдали.

Вообще за все время существования экспедиции это была единственная трагедия такого масштаба. Конечно, в поселке горели балки, но обходилось без человеческих жертв.

После закрытия экспедиции Женю Ипполитову перевели в Хатангу, Сева Александров вернулся в Москву и пошел по линии науки в медицине, а Медюки уехали в Ленинград. Федор Тимофеевич получил инвалидность по зрению. Александра Гавриловна работала врачом в поликлинике много лет. Медюк была родом из состоятельной

семьи, но от шикарной квартиры, в которой когда-то жили родственники, Александре Гавриловне осталась одна комната. Комната была заставлена старинной мебелью, а на стенах висели старинные гравюры и картины. Я и мои родители несколько раз навещали чету Медюков в этой квартире. После выхода Александры Гавриловны на пенсию, они продали комнату и уехали в деревню...

Я часто бывала у мамы на работе. В это время кто-то подарил мне большую куклу, которая даже могла закрывать глаза. Я не помню, какие до этого были у меня игрушки. Это была моя первая настоящая кукла. Даже сохранилась фотография, где я запечатлена с ней. Помню, как назвала куклу — Татьяна.

С той самой куклой Татьяной.

Однажды мы с подружками завернули Татьяну в одеяло, как ребеночка, и понесли в больницу. Но сверток получился довольно тяжелый, по дороге мы умудрились его перевернуть, а поэтому в первый момент очень перепугали медперсонал...

Работая в больнице, мама очень подружилась с Антониной Андреевной Чекаловой, той самой, чьи письма я цитировала чуть выше. В Кожевниково она с дочкой Галиной появилась после войны и стала работать главным бухгалтером в больнице. Она была членом партии и вела большую общественную работу. Чекалова жила в Кожевниково до самого его закрытия, а затем еще несколько лет в аэропорту Косистый. Затем с мужем выехала в Москву, но жизнь совместная не получилась. И она уехала работать в Южно-Сахалинск, а через несколько лет перебралась к родителям в Новочеркасск, где работала много лет бухгалтером на трикотажной фабрике и все так же вела большую общественную работу. Я очень благодарна Антонине Александровне за многое. Бывая в Москве, она целыми днями находилась с уже постаревшей Паной Борисовной, хлопоча по хозяйству, и только по выходным или иногда по вечерам куда-нибудь выходила.

К сожалению после продолжительной тяжелой болезни она скончалась в Новочеркасске 1999 году. Через год скоротостижно скончалась ее дочь Галина, которая все годы оставалась моей близкой подругой.

ГЕОЛОГИ

В 1944 году в Нордвикской экспедиции работала межведомственная Комиссия под представительством А.Я. Кремса. Эта Комиссия, проанализировав все имевшиеся тогда материалы по геологии и нефтеносности района, наметила направление и конкретный план геолого-геофизических и геолого-разведочных работ.

Для решения поставленных новых задач пришлось отказаться от запланированного расширения бурения новых скважин в пределах Тигяно-Чайдахского участка, где были к этому времени сконцентрированы основные производственные средства и налажен быт буровиков. Например, Чайдах. Небольшой экспедиционный посёлок состоял из передвижных домиков, в которых проживали ра-

Папа за работой — в геологическом управлении Кожевниково.

Дина ДУДИНА

бочие буровых вышек и обслуживающий их персонал. В посёлке имелись дизельная электростанция, механическая мастерская и гараж. Аналогично были обустроены и другие буровые участки, отдаленные от центральной базы. Южнее посёлка Чайдах на расстоянии 12, 19 и 22 кило-

Ротор.

метров располагались аналогичные посёлки для геологических партий — соответственно Восточный Тигян, Западный Тигян и Южный Тигян.

Несмотря на обнадеживающие результаты, все работы на этой площади свелись к завершению начатого к тому времени бурению нескольких скважин.

В соответствии с решением Комиссии в течение последующих трех лет основные буровые работы велись в районе Нордвика и продолжались на Илье и в Кожевниково.

Летом 1946 года на должность главного геолога на-

значили Михаила Кузьмича Калининко. Поговаривали, что моего отца сместили из-за так называемого 5-го пункта в анкете (национальность). Время было непростое...

А население Кожевниково было многонациональным. Война ведь перемешала и разбросала всех, кого сдружила на многие годы, а кого сделала врагами. Но главным фактором в дружбе всегда была человечность, со всем входящим в это понятие комплексом качеств.

Большим другом нашей семьи был армянин Галямов, которого все называли «веселый дядя». Папа с ним учился в Баку, а затем встретился в Кожевниково.

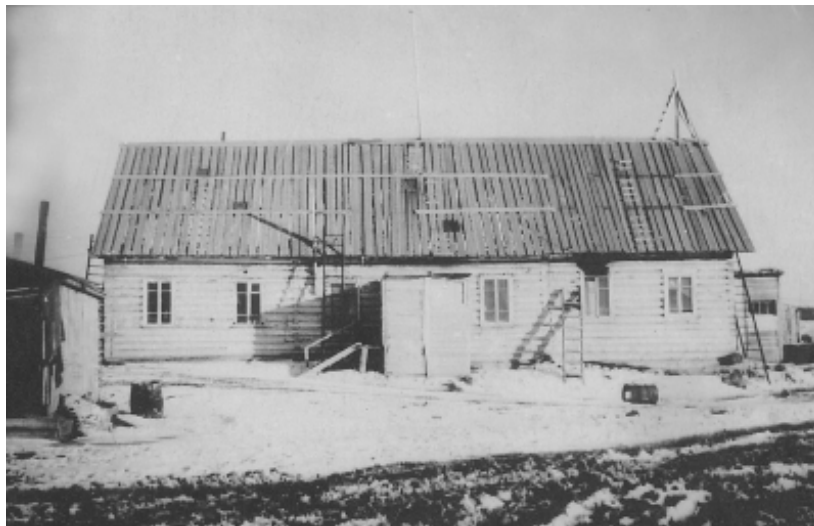
Жила в поселке семья цыган. Взрослые работали, а дети учились с нами в школе. Вечерами из их балка слышались песни. Особенно бывало весело летом у вечернего костра, когда они бывали с нами.

В очень редкие жаркие вечера или выходные дни мама выставляла около дома стол, и соседи собирались на чай с пирожками. На такие посиделки обязательно приходила эта семья — они жили недалеко. Мама им всегда подпевала своим приятным несильным голосом.

Антонина Андреевна Чекалова, из чьего письма я привожу выдержки, была родом из семьи донского казака...

На все взрослое население поселка, которое обязательно работало, мне известна только одна неработающая женщина — и то преклонного возраста. Она жила с дочкой, которая была геологом. Их имен я не помню. Память сохранила только то, что этой женщине дали кличку Фучик. Она очень любила рассказывать о жизни известного писателя, политического деятеля, героя чешского народа Юлиуса Фучика, расстрелянного гитлеровцами в годы войны...

После освобождения папы от должности нам пришлось выезжать из квартиры и перебираться опять в балок. Ведь единственный по тем временам обустроенный

Дом на две семьи для руководства экспедиции.

дом, рассчитанный на две семьи, занимало руководство. Там были водопровод, центральное отопление и ванная. Дом находился рядом с управлением геологов. Эти строения и ещё пара балков для прокурора и работника КГБ отапливались от котельной, расположенной поблизости. Квартиры переходили к новым владельцам соответственно по должности при смене руководства.

Балок, в который мы переехали, был без саней (то есть его нельзя было перевозить) и на две семьи. Каждая квартирка имела свой выход и состояла из комнаты, кухни и тамбура (пристройки) с бункером для угля, который имел два устройства — для загрузки прямо с саней или машины и для засыпки угля в ведро, не выходя на улицу.

Соседом был летчик экспедиционного самолёта У-2 с женой. Меня он угощал иногда то яблоком, то головкой лука или чеснока. А как-то дал мне несколько перьев зеленого лука. Я догадалась помыть, но не почистила снизу, т.к. видела такое чудо впервые. А квашеную капусту

впервые в жизни ела, запивая сладким чаем. Она ведь была кислой...

Несмотря на все выше сказанное, моего отца и Михаила Кузьмича Калинин связала многолетняя дружба, которую они пронесли через все трудности и сложности дальнейшей жизни. Близкими подругами в Кожевниково были моя мама и жена Калинин — Людмила Яковлевна. После отъезда из Кожевниково их разделили большие расстояния, но они все время переписывались и неоднократно встречались.

Михаил Кузьмич приехал в Кожевниково совсем молодым геологом с молодой и очень красивой женой Людмилой. Родом они были из Баку. Там Калинин закончил нефтяной институт, а его жена училась в консерватории. Я неоднократно слышала в её исполнении арии из опер. Часто она выступала в концертах художественной самодеятельности. Это было для меня первое знакомство с классической музыкой в живом исполнении.

На Нордвик они приехали из Усть-Порта, где прожили около двух лет. Учитывая, что Постановление о развертывании разведочных работ на поиск нефти и газа в районе Усть-Порта было принято Совнаркомом Союза СССР 28 августа 1938 года, то можно считать, что Михаил Кузьмич был в числе первоисследователей этого региона. Он занимался нефтяной разведкой на правом берегу реки Енисей в районе Усть-Порта, а также по рекам Солёной и Большой Хете.

К началу 1941 года он уже был руководителем геологической поисково-съёмочной партии на Нордвике. С 1943 года руководил там всем комплексом разведочных работ.

Так как экспедиция была в системе Главсевморпути, то ведущим специалистам присваивались морские звания. Отец был капитаном второго ранга. Капитаном второго ранга был и Калинин.

Выдавалась, конечно, и морская форма — китель, брюки, а вместо шинели — отрез бостона или габардина. Материал был очень хорошего качества и женщины шили из него себе платья. Как-то мама и Пана Борисовна заказали себе сшить платья из этого материала портнихе, которая шила халаты и бельё для больницы на единственной швейной машинке. Получились шерстяные платья с короткими рукавами, потому что, утверждала портниха, материала было мало. Через некоторое время та появилась в юбке из такой же ткани...

Конечно, с вещами было очень плохо. Всё строго распределялось. Дополнительно купить не было возможности. Создавалась комиссия по распределению. Однажды распределяли пуховые костюмы, в которых обычно ходили лётчики. Одна из членов комиссии (видно ей такой костюм не полагался по должности) долго ходила в куртке с надписью БРАК. Такое ей прозвище и дали. Дети ходили за ней стайкой и дразнили.

Праздники отмечались весело. В одно из таких застолий все одели формы и выяснилось, что выше всех звание у Раисы Михайловны Деменицкой (она в экспедиции возглавляла отдел геофизики). Пришлось мужчинам выполнять её приказы. Смеха было много...

Уже после Нордвика Михаил Кузьмич Калинин много лет работал в НИИ Геологии Арктики (НИИГА) в Ленинграде, организованном в 1948 году. Потом уехал окончательно в Москву, где работал в научно-исследовательском нефтяном институте, где руководил лабораторией. За большую научную деятельность и издание научных монографий и статей получил звание профессора. Михаил Кузьмич был настолько большим ученым, что его не смогли сразу уволить после отъезда дочки за границу (она вышла замуж), как это было принято в то время. Он работал до своего шестидесятилетия и только тогда вышел на пенсию. Калинин ещё долго и много работал над сво-

ими книгами. В 1990 году он прислал письмо в музей Норильска с приглашением ознакомиться с имеющимися у него документами о Нордвикском районе. Но, к сожалению, из-за суеты житейской и безденежья музея встреча не состоялась. Калинин скончался в 1995 году...

Я работала под его руководством с 1957 года — именно он и Емельянцеv устроили меня в геологическую партию НИИГА после окончания школы, хотя в то время не разрешалось принимать детей сотрудников (мой отец тоже работал там). Наличие трудовых династий одобрялось только на заводах и стройках...

В том же 1946 году (как я уже сказала, связанном с расширением геологоразведочных работ) приехала в экспедицию и работала до ее закрытия в 1953 году геофизик Виталия Израильевна Розенберг. В Кожевниково она попала по распределению сразу после окончания института на Урале.

Виталия Израильевна была редкой гостей в геологическом управлении. Она почти безвыездно работала в небольшом геофизическом отряде, который базировался на отдалённом разведочном участке и кочевал по тундре, ведя большие исследовательские изыскания. Она, видимо, была мужественной девушкой — выдержала все тяготы полевой жизни. Позже она мне рассказывала, в каких условиях в те далёкие года работали геофизики. Жили они в балках на полозьях, которые перетаскивали по тундре тракторами. Воду летом брали из ближайшего озера или речки, которых там очень много. Один балок приспособляли под кухню, другой под баню. Зимой для приготовления

В.И. Розенберг.

еды и мытья они таяли снег. Поэтому главное её воспоминание о Кожевниково связано с баней, которую Виталия Израильевна обязательно посещала в редкие приезды. Продукты привозили из посёлка. В свободное от работы время рыбачили и охотились на оленя, куропаток, гусей, уток. В окрестностях Кожевниково ягоды и грибы не растут. На других поисковых участках их тоже не было, иначе нам, детям, обязательно бы привозили. Нас ведь очень оберегали и опекали, отдавая самое вкусное и посвящая нам всё свободное от работы и житейских забот время.

Летом 1999 года мне удалось узнать адрес Виталии Израильевны и навестить её в ленинградской квартире. Я не смогла дозвониться к ней по телефону, а поэтому мой приход был для неё полной неожиданностью. Достучаться к Виталии Израильевне мне помогла соседка, т.к. звонок не работал. Мы не виделись четверть века. Встреча была настолько трогательной и взволнованной, что даже соседка не смогла сдержать слёз. С большим трудом успокоили пожилую женщину, после чего соседка вежливо удалилась. Мы проговорили более пяти часов, которые пролетели, как одно мгновение.

С большой теплотой она вспоминала о работе с теми людьми, которых я знала, но которых уже нет давно с нами. Я всматривалась в старческое лицо сгорбленной старушки с трясущимися руками, пытаюсь узнать знакомые черты. Так её изменила тяжелая болезнь, диагноз которой долгое время не могли установить. Оказывается, у нее было редчайшее заболевание — эпидемический энцефалит. Ей ставили разные диагнозы заболевания и соответственно лечили, разрушив всё что только можно нарушить. В свои 77 лет это был совершенно больной одинокий человек. Все денежные накопления, конечно, пропали в реформу 1992 года и жила она исключительно на пенсию, большая часть которой уходила на покупку лекарств...

По вербовке в 1940 году в экспедицию приехал Алексей Александрович Герке, который создал лабораторию микропалеонтологии. Застенчивый, очень скромный и всегда доброжелательный, он руководил этой лабораторией все военные годы. В дальнейшем Герке стал известным в своей области учёным и руководил аналогичной лабораторией до выхода на пенсию в ленинградском Институте Геологии Арктики.

В этом же институте после отъезда из Кожевниково руководила большим отделом геофизики Р.М. Деминицкая (у которой оказалось морское звание старше всех мужчин), она стала профессором и ездила по приглашению за границу с докладами.

Интересная, но трагическая жизнь сложилась у геофизика Евгения Борисовича Гольцберга. Он работал в Усть-Порту вместе с М.К. Калинко. В Кожевниково Евгений Борисович приехал с женой и двумя дочками сразу после окончания войны. Он был настоящим полиглотом. Кроме европейских языков, знал восточные и даже некоторые их диалекты. Когда его спрашивали, какие иностранные языки он знает, то отвечал, мол, проще перечислить какие не знает. Как раз знание языков и покалечило ему жизнь. В то время нельзя было слушать зарубежные радиостанции, а тем более рассказывать услышанное. А Евгений Борисович с кем-то поделился зарубежными новостями. И тот негодяй донёс на него в соответствующие органы. Гольцберга посадили. Семья от него отказалась. После смерти Сталина его освободили из под стражи и сослали в Сибирь.

В шестидесятые годы он был в Ленинграде и зашел к нам. Это был глубокий, очень больной старик, хотя годами был моложе моих родителей. Так его сломала тюрьма и невзгоды. Вскоре после того визита он скончался...

В 1947 году была вновь организована межведомственная Комиссия во главе с А.А. Малышевым от Министерства Геологии СССР с правительственным заданием сно-

ва рассмотреть все геолого-геофизические материалы в Нордвикской экспедиции и выработать направление дальнейших работ. Познакомившись с результатами проведенных экспедицией работ, Комиссия предложила прекратить глубокую разведку на нефть не только в Нордвик-Хатангском районе, но и по всей Арктике. Комиссия санкционировала дальнейшее расширение геолого-геофизических исследований на всей территории от низовья Енисея до низовья реки Лены — путем проведения мелкого бурения и всех видов геологической съемки. Только после этого намечалось выбрать отдельные участки для глубокой детальной разведки. Работа экспедиции сводилась к бурению ранее заложенных глубоких скважин. Геолого-поисковые работы опять переносились в основном в район от Сындаско до Хатанги.

Эта обстановка замирания геолого-разведочных работ резко изменилась в конце 1948 года, когда 20 декабря был получен промышленный приток нефти из скважины на Южном Тигяне (закладка этой скважины была начата, когда папа был главным геологом экспедиции). Это событие рассеяло пессимистические настроения, существовавшие у значительной части специалистов по поводу получения промышленной нефти в этом регионе. С того момента опять возобновился интерес к проводимым экспедицией работам.

В 1948 году создается не только НИИ Геологии Арктики, но и трест «Арктикразведка». Это послужило новым толчком к расширению фронта геологических исследований северных районов. Нефтеразведочные работы осуществлялись тремя крупными экспедициями треста: Усть-Енисейской, Нордвикской, Оленёкской. Тематические исследования проводились НИИГА.

СЕВЕР НАВСЕГДА

Вскоре после назначения Калинко главным геологом папа покинул Кожевниково. Его отъезд я восприняла как необходимое условие для подготовки нашего скорого переезда к нему.

Пока мамы не было дома я сидела в школе либо у Гали Макаровой, с которой училась в одном классе. С их домом связана одна любопытная история.

У Макаровых жила большая собака. У нее была привычка входящих в квартиру встречать радостным лаем и прыгать на вошедшего, стараясь положить передние лапы на его плечи. Однажды, после довольно длительного отсутствия, я снова пришла к Макаровым. Собака с радостью прыгнула на меня. Я

Родители.

небольшого роста, а поэтому ее лапа попала мне в лицо, сильно поранив под глазом. Чудом глаз остался целым. Рану зашивали в больнице. Все это время собака сидела на крыльце больницы и жалобно выла, а затем провожала домой, продолжая жалобно выть, как бы просила прощения. После этого она больше ни на кого не прыгала.

Галя очень хорошо училась. Наверно, это повлияло на меня. До этого я училась очень слабо. Папа просиживал со мной

многие часы, когда находился на базе, заставляя делать уроки. За учебный 1946-47 год я перешла в число сильнейших учеников, закончив на 4 и 5 третий класс. Этим я приятно удивила и обрадовала папу при встрече через год. Дальше я училась уже самостоятельно и успешно.

Мама перешла работать на телефонную станцию телефонисткой. В фильмах о Великой Отечественной войне можно увидеть систему телефонной связи при штабе и работу телефонисток. Точно так работали на нашей «телефонке» — как было принято называть телефонный узел. При подъеме трубки на стенде загоралась лампочка. Телефонистка подключала свой микрофон, спрашивала с кем хотят переговорить и соединяла абонентов. Для связи применялись специальные шнуры с металлическим наконечником и кнопка подачи сигнала. Когда заканчивался разговор, сигнальная лампочка гасла. Телефонистка отключала абонентов, выдергивая шнуры.

Работали по сменам. В ночную смену работы было мало, а поэтому одновременно с лампочкой включался звуковой сигнал, чтобы разбудить задремавшую телефонистку. Чтобы не уснуть, мама брала с собой в ночную смену рукоделие, штопку. Я еще была маленькая, а поэтому приходила к ней рано утром заплетать длинные косы. Иногда в вечернюю смену мама разрешала отвечать на вызов абоненту и соединять его. Так продолжалось до нашего отъезда.

Осенью 1947 года я и мама тоже подались из Кожевниково. Добирались мы до Москвы долго самой дальней дорогой на грузовом судне, которое после разгрузки отправлялось из порта Нордвик. Потому что навигация в порту на мысе Илья к этому времени уже закончилась.

В ожидании отъезда я жила у Паны Борисовны на Нордвике. Поселок мне запомнился только наличием нескольких двухэтажных домов и небольшим количеством балков. Все это помещалось на маленькой территории. Возможно, мое впечатление ошибочно из-за того, что я

далеко от дома не уходила. Мама несколько раз ездила на катере, несмотря на плохую погоду в Кожевниково. В ожидании ее приезда я часами простаивала на причале при любой погоде. Увести домой меня было невозможно...

Уплыли мы последним пароходом. Он следовал Северным морским путем до Архангельска, частично повторяя курс теплохода «Челюскин». Маме приходилось часто заменять на кухне кока, которого очень укачивало при шторме. Шторм доставлял и мне большие неприятности — оказалось, я тоже подвержена морской болезни.

Следуя через пролив Карские Ворота и дальше на Запад, пароход неоднократно проходил вблизи плывущих мин. Было установлено круглосуточное дежурство на палубе. Дважды я видела мину вблизи. С одной из них наш пароход едва не столкнулся. За первые годы после окончания войны были проведены большие работы по разминированию, но мореплавание по Северному морскому пути в этой части оставалось все ещё очень опасным.

Видела я и проплывающие небольшие айсберги.

Айсберги.

В десять моих лет Архангельск был первым большим городом, который я увидела. По какой-то причине мы там задержались. Точно помню, что мой день рождения отмечали в ресторане. Удивление вызывали большие дома. Первое время я боялась ездить на трамваях.

В начале ноября 1947 гола прибыли в Москву. Временно разместились у родственников. До войны в том здании находилась поликлиника для железнодорожников. Там, где мы жили, размещалась раньше аптека, а поэтому в комнате был очень глубокий подвал, в который спускались по крутой металлической лестнице. Высота стен была более трех метров. Нагреть такую комнату было трудно, а поэтому дома ходили в валенках, что мне напоминало Кожевниково.

Дети наших родственников болели свинкой. Это очень заразная детская болезнь, а поэтому я тоже сразу заболела. На севере дети болели только обычной простудой, и никаких прививок нам, конечно, не делали.

После выздоровления я почти сразу где-то подцепила коклюш и «наградила» этим ребят. Поэтому мы почти два месяца прожили в Москве. В школу я, конечно, не ходила.

Так нас застала в Москве декабрьская денежная реформа 1947 года. Все деньги у мамы уменьшились в де-

сять раз, а цены остались прежними. Так что мы остались почти без средств. Пострадали все, кто держал деньги при себе. Пропаганда уверяла, что хотели ударить по спекулянтам, а пострадали военные, северяне, т.е. те, кто чаще других был в дороге и держал деньги при себе. Нас прозвали «декабристами»...

*Сохранившаяся надпись
на развалинах поселка. Фото 2005 г.*

Приближались новогодние праздники. Мама стала собираться в дорогу к папе. Он работал в Алма-Ате уже год. К нашему приезду снял на окраине города в частном секторе часть дома, в которой были две небольшие комнаты и кухня. Я быстро подружилась с одной из дочерей хозяйки дома. Мы были ровесницы. Другая девочка только начинала ходить. Обе девочки тоже болели коклюшем. Особенно тяжело было смотреть на малышку, когда она задыхалась при приступе кашля.

После северной зимы наступившие холода в декабре и январе нам казались весенними заморозками. Меня невозможно было заставить сидеть дома. Из-за болезни нам не разрешали ходить в школу и общаться с другими детьми. Всё время мы проводили во дворе дома. В школу я пошла только весной, повторять пройденный школьный курс. Так был потерян целый учебный год.

Но в Алма-Ате мы не остались. Можно много предположений сделать, почему — может быть, тому виной постоянные разговоры о наводнениях весной и круглогодичные о землетрясениях (одно землетрясение мы пережили в Грозном в самый канун войны), может быть, продвижение рядового геолога по должностной лестнице без знания казахского языка было практически невозможным — национальные кадры занимали все руководящие должности в Геоуправлении. Но я думаю, родители просто очень скучали по Северу. Списавшись с друзьями, папа получил из Москвы приглашение вернуться работать в Кожевниково. Только одно лето успели погреться на солнышке и вдоволь поесть фруктов и овощей...

В январе 1949 года мы собрались в обратный путь на Крайний Север. Оформление документов было долгим. Первым делом надо было пройти медицинскую, очень строгую комиссию и получить разрешение на работу в районах Крайнего Севера. Только после этого начиналось оформление документов. Врачи не хотели пропус-

кать маму на Север, опасаясь за её зрение и гипертонию. Они прочили ей слепоту через полгода. Вероятно, приезд папы в экспедицию был очень нужен, поэтому Управление все же разрешило маме ехать без согласия врачей по её заявлению. Предсказание медиков, к нашему счастью, не сбылось, но пришлось маме находиться под строгим наблюдением местных врачей.

На Север из Москвы летали самолетами специально организованной полярной авиации из аэропорта Быково. Самолеты были маленькими и очень холодными. Здание аэровокзала размещалось в небольшом доме. Никакого расписания, конечно, не существовало. Летали по своим летным правилам и приметам. По понедельникам не вылетали. Если среди пассажиров была только одна женщина, то её не брали, либо полет откладывали. Несколько дней мы ежедневно рано утром прощались с родными и уезжали в аэропорт, а вечером возвращались, так как ночевать в Быково не было никакой возможности.

Только в марте 1949 года мы прилетели из Москвы в Кожевниково. Самолет приземлился в аэропорту Косистый. Посадочную полосу освещали факелами из железных бочек с горящим мазутом. Впечатление было такое, будто самолет садится в центр большого пожара.

Погода быстро портилась, а т.к. при хорошей погоде в дороге мы должны были находиться около часа, то выехали, не дожидаясь утра, вездеходом, который прислали за нами. Однако, дорогу быстро замело, и мы заблудились. Хорошо, что папа знал прекрасно эти места, да и пурга вскоре стихла. Выяснилось, что мы проехали Кожевниково. Повернули в обратный путь и скоро стали слышны продолжительные гудки электростанции. Уже собирались выезжать нас искать.

С этого времени начинается второй период нашего пребывания в Кожевниково. Папа работал в должности старшего геолога, а с 1951 года — начальником отдела

проектирования геолого-разведочных работ. Мама вернулась на свою любимую телефонную станцию.

Нас поселили в балок, занесенный полностью снегом. Только по торчащей из под снега трубе можно было определить его местонахождение. В балок попадали по вырытой в снегу лестнице, а я въезжала по ступенькам на портфеле, как с горки. Частенько приходили нас откапывать после очередной пурги. По крыше ходили и ездили. Мы боялись за трубу, которую было очень просто сломать. Праздником было, когда откопали окошки.

Наш балок в Кожевниково.

Якут Яша, который опять стал привозить нам мясо, рыбу и дичь, стучал по трубе или кричал в неё, сообщая о своём приезде.

Вообще с якутами у нас были интересные отношения.

С момента создания стационарной экспедиции ее работники проводили большую работу среди местного населения, пытаясь привить им элементарные правила бы-

товой культуры. На окраине поселка на берегу речки для якутов построили несколько балков, которые им мыли и чистили, а также купали их детей в бане. Устраивали и для взрослого местного населения раз в месяц банный день. После них целый день приходилось тщательно все мыть и шпарить, чтобы не подцепить болячки, т.к. почти у всех были туберкулёз и трахома.

В столовой для якутов устраивали обеды, пытаясь их приучить к нашей повседневной еде. Помню, как их приводили в столовую, заведующей которой тогда была мама. Она также принимала активное участие в наведении порядка в балках для якутов.

Однако якуты рядом строили чумы. Поблизости они пасли своих домашних оленей. Первоначально основным видом транспорта были олени упряжки. Но и в последующие годы якуты оставались для геологов-полевиков незаменимыми проводниками.

Якутское стойбище в окрестностях Нордвикских поселков.

Якуты долго не выдерживали такого внимания и уходили из ухоженных балков жить в построенные ими чумы, там же по-своему готовили себе еду, а затем вообще из поселка ушли в тундру. Только много лет жил якут Захар с женой. Они убирали в поселке общественный туалет на берегу залива, помогали убирать весной многочисленные помойки, образовавшиеся за долгую зиму. На лето ставили железные бочки для мусора и отходов на места помоек. Я не помню, чтобы дети участвовали в весенних уборках. Но за чистотой в поселке очень следили.

Одно время в нашей начальной школе учился очень способный мальчик якут. Но родители уехали жить в тундру и забрали его. Через некоторое время его увезли в интернат в Хатангу. Он хорошо учился, преуспевал в математике и уже играл в шахматы. Однако, его выкрали и опять увезли в тундру.

Якуты много курили и пили. В послевоенные годы они уже не считали за грех обманывать. Могли вместо дикого оленя продать домашнего старого. В этом случае мясо пахло потом и очень долго варилось, подобно старой ездовой лошади. Но старожилы поселка никогда не обманывали якутов и они отвечали им тем же.

Нашу семью, как я уже упомянула, снабжал все годы дарами тундры якут Яша. Однажды он привез любимой Гише — так он называл мою маму — в подарок убитого лебедя. Нам было настолько жалко эту прекрасную птицу, что мама отказалась взять подарок.

После визита якута в дом, приходилось долго проветривать квартиру и очень тщательно мыть кружку, из которой он обязательно пил чай...

Работа в должности начальника геолого-разведочного отдела требовала частого непосредственного присутствия папы на разведочных участках. Бурение скважин на такие глубины в зоне вечной мерзлоты требовало особых методик и специального оборудования. Даже руко-

водящие геологи такого опыта не имели. Бурение на нефть до войны в заполярной зоне, на высоких широтах нашей страны не велось. Все геологи приехали из теплых краев. Приходилось многое решать самим. В разговорах взрослых часто звучала фраза, мол, опять на буровой авария, вызванная «прихватом инструмента».

Командировки были иногда довольно длительными. Недостаток витаминов и качество питания сказывались на характере заболеваний, в первую очередь, геологов. Уже тогда у папы появились первые признаки заболевания желудка и частенько болели зубы, так что приходилось нередко обращаться за помощью к стоматологу Пане Борисовне.

Приходилось врачам выезжать на буровые участки. В одну из таких поездок случилось очень странное происшествие, которое к счастью для всех закончилось благополучно. Как обычно путешествие на участок происходило в балке, который тянул трактор. Топилась в балке железная печка «буржуйка». Некоторые сидели грелись, другие спали на нарах. Неожиданно в маленькое окошко непонятно каким образом влез длиннющий рельс, который чудом не задел печку и пассажиров балка, а повис, зацепившись за нары, на одной из которых похрапывал Емельянцеv. Еще бы чуть-чуть — и рельс его проткнул. Рельсы использовались в соляных и угольных шахтах.

Метеорологическая станция, находившаяся на небольшой возвышенности за поселком, снабжала сводками погоды геологов, но бывали ошибки в предварительных прогнозах. Неоднократно папа попадал в пургу и плутал по тундре. Однажды более трех суток искали балок, в котором возвращались в поселок с бурового участка папа, Калинко и еще несколько сотрудников экспедиции. Михаил Кузьмич был штурманом этого рейса. Указывая водителю направление движения, он сидел в кабине с трактористом. Однако пурга была настолько сильной, что даже

Остатки рельсов на Солеруднике. Фото 2005 года.

с таким опытным штурманом дорогу потеряли. Как потом выяснилось, они крутились близко от поселка. Как только пурга стала стихать, слышались гудки электростанции — тогда быстро добрались до поселка.

Тяжелые потери, принесенные войной, понемногу время залечивало. Все жили надеждой на светлое счастливое будущее. Очень надеялись, что, залечив раны войны, страна быстро пойдет к процветанию. Все наслаждались мирной жизнью. В 1949 году труд многих сотрудников экспедиции опять был отмечен правительственными наградами. В числе награжденных был и папа, которого наградили медалью «За трудовые отличия».

После денежной реформы и отмены продовольственных карточек в стране, в Кожевниково сохранялась система распределения основных продуктов по бесплатным

Дина ДУДИНА

карточкам. Но в местном магазине теперь можно было купить и дополнительно продукты — спиртное, сладости. В навигацию привозили промтовары, игрушки и разную мелочевку, которую также можно было купить без ограничения.

Весной 1952 года самолетом привезли для продажи в магазин часы и изделия из золота и серебра. Мне купили часы марки «Заря», а папе часы «Звезда». Пана Борисовна уговаривала маму купить мне золотой медальон. Но — не купили. Мама считала это большим баловством. Ее равнодушие к косметике и украшениям передалось и мне...

ДВА ПОЛЮСА

В Кожевниково было три партийных организации: в нефтеразведочной экспедиции, в ОРСе (т.е. отделе районного снабжения) и территориальная (все остальные): школа, больница, поссовет, банк, сберкасса, КГБ, почта, связь, метеостанция, редакция газеты «За индустриализацию Страны» и другие службы.

Коммунисты были обязаны заниматься в политкружках, в которых изучали историю ВКП/б и работы Ленина и Сталина. Кружок, который вела А.А. Чекалова (она в течение ряда лет до самого закрытия экспедиции была секретарем территориальной парторганизации), посещала мама.

Вот еще одна выдержка из письма Антонины Андреевны, о котором я уже упоминала:

«...Приходилось довольно часто бывать в Хатанге на пленумах и конференциях. Хатанга была районным центром. Приезжали члены бюро Хатангского райкома в Кожевниково. Обычно это связывалось с экстренными делами...»

В своем письме Чекалова поведала об одном очень громком деле. Я ведь тогда была маленькой и, конечно, ничего такого не запомнила.

Дело было связано с геологом Татьяной Алексеевной Серебряковой. Жила она в двухэтажном единственном доме в одной комнате с еще одной женщиной-геологом. Большая, величавая, приятной наружности женщина жила очень замкнуто и ни с кем не дружила, не участвовала в компаниях по случаю семейных и праздничных торжеств. Но праздники отмечала в одиночестве, накрыв праздничный стол всегда на должном уровне. Мы это расценивали как странность.

И вот пожаловало в Кожевниково в полном составе

бюро Хатангского райкома партии. Собрали всех коммунистов экспедиции, секретарей комсомольских организаций, прокурора, следователя, работников КГБ. Белая, как мел, сидела в стороне Т.А. Серебрякова. Из доклада члена бюро выяснилось, что история началась еще в войну. Татьяна Алексеевна Серебрякова была тогда студенткой. Немцы приближались к Москве, в городе началась паника. Многие жители покидали столицу кто как мог в чем стояли. Т.А. Серебрякова, поддавшись панике, отодвинула крышку люка канализации и бросила в бурный поток партбилет. Но билет в воду не попал. А зацепился за каменный выступ в стене. Через десять лет рабочие-ремонтники его увидели и передали в ЦК.

Серебрякову стали искать и нашли здесь, на Крайнем Севере.

Она ни на один вопрос не ответила и ничего не сказала в своё оправдание. Стояла и молчала. А все присутствующие были в шоке — тогда это расценивалось как преступление против Родины.

Татьяну Алексеевну исключили из партии и отправили в Москву. Время было тревожное. Сталин был жив и здоровствовал. Ко всем цеплялись за каждую мелочь. Все разговаривали с оглядкой...

Главными блюстителями порядка у нас были работник КГБ Вьюгин и прокурор Сердюков, которые ставили всех и вся под сомнение в то сложное время. А начальник военизированной охраны, потирая руки, хвастал, что знаком лично с Берия.

В начале 1953 года застрелился геолог, который не указал в анкете сведения о заграничных родственниках, а соответствующие органы докопались и предупредили, что увезут его в Москву для разбирательства.

Но никакого лагеря и никаких зэка на Нордвике не было. Допустим, я тогда была ребенком и могла кое-чего не знать, но об этом есть свидетельства бывших жителей

Нордвика, которые в те времена были взрослыми людьми. Например, Михаил Кузьмич и Людмила Яковлевна Калининко. Есть письма, в которых говорится о том, что они о лагерях абсолютно ничего не знают и удивлены странными слухами, которые вдруг стали циркулировать. Виталия Израильевна Розенберг говорила лично мне (а она изъездила после войны всю тундру этого района), что никаких зон не было.

Вообще эта путаница возникла в конце 80-х годов. Тогда на волне гласности очень много было открыто неприглядных страниц нашей истории, но вместе с тем ошибочно были «воздвигнуты» никогда не существовавшие зоны. В книге Б.Яковлева «Концентрационные лагеря СССР», изданной в Лондоне в 1983 году, написано: «Нордвик — самостоятельная лагерная группа. Число з/к и количество лагпунктов неизвестно...»

О Нордвике как о лагере писала газета «Заполярная правда» в номере за 8 июля 1989 года.

Сотрудники Норильского музея в экспедицию 1990 года посетили Нордвик, Южный Тигян и, вероятно, Чайдах. По результатам экспедиции была подготовлена выставка и издана брошюра в 1992 году, в которой, в частности, было сказано следующее:

«...на Нордвике применялся труд несвободных советских людей, что дает основания причислить эту стройку к учреждениям ГУЛUGа... Покорители Севера, среди которых были и вольнонаемные, жили в поселке вне лагерьной зоны, ибо видимых признаков лагеря на Нордвике экспедиция не нашла. Конвой и «колючку» заменяли расстояние и климат...»

Кладбище на одной из сопок поразило членов экспедиции:

«...На 18-ти табличках выбиты слова: любимому сыночку или любимой дочке. Что было в 1948 году, которым датированы в основном детские смерти, — эпиде-

мия, голод?.. Больше кладбищ не обнаружено. Не странно ли это? Нордвик осваивается с начала 30-х, заканчивает свое существование в середине 50-х, — и всего 84 могилы, половина которых — детские? Вопрос, который можно адресовать разве что морю, но оно молчит...»

Я попытаюсь ответить на эти вопросы.

За двадцать лет существования экспедиции кладбище, действительно, слава богу, сильно не разрослось: население было молодое и здоровое — людей отправляли в эти суровые края только с разрешения строгой медицинской комиссии. В основном там были захоронены смельчаки, которые в одиночку пытались зимой пешком преодолевать расстояние между поселками. Были и другие, к счастью, редкие трагические случаи. Помню, что не смогли спасти от какой-то тяжелой болезни дочку Абрамовых. Ей было лет пять-шесть. В день смерти дочки у Абрамовой родился сын.

Кладбище Нордвика. Фото 2005 года.

Наличие детских могил на этом кладбище, датированных 1948 годом, тоже вполне объяснимо. Я уже писала выше, что население поселков Нордвика после войны быстро увеличивалось за счет вновь прибывших. Это были

молодые люди с детьми, ослабленными голодом военных и послевоенных лет. Вероятно, отсутствие достаточного количества необходимых медикаментов и неправильное обильное питание сразу привело к трагедии. Кладбище около Кожевниково еще меньше. Может быть, сильному коллективу кожевниковских медиков удалось благополучно справиться с этой проблемой?

Надо сказать, что сегодня сотрудники музея НПр пересматривают свои первоначальные выводы. И заблуждения понятны — новому поколению исследователей трудно представить, что в таких суровых условиях можно было добровольно жить и трудиться. Даже человек, много проживший и много повидавший, — и то сделал неправильные выводы.

Речь идет о публикации Гунара Робертовича Кродеса в газете «Заполярная правда» в середине 80-х годов, под говорящим заголовком «Нордвиклаг». В этой статье он рассказал, как осенью 1946 года ещё подростком (его с родителями отправляли по этапу в сталинские лагеря) оказался свидетелем разгрузки в порту Нордвика. Люди в старых ватниках передавали друг другу ящики и мешки, стоя по пояс в ледяной воде. Эту картину он запомнил на всю жизнь и, конечно, сделал вывод, что только заключенные под страшной охраной способны на такую работу. А так проходила разгрузка каждую навигацию! Я упоминала уже об этом. Кстати, как раз особенно холодными выдались лето и осень 1946 года.

В этой же статье Гунар Робертович вспоминал, что жители Нордвика накормили голодных пассажиров и дали им продукты на дорогу, чем спасли от страшного дальнейшего голода. Разве ээка, вечно голодные и холодные, могли себе такое позволить?..

Сотрудники Нордвикской экспедиции знали, что в Воркуте и Норильске есть лагеря для заключенных. Но связь с Норильским комбинатом проходила через Глав-

ное геологическое управление, которое периодически направляло в подведомственные ему экспедиции комиссии для проверки и согласования хода работ. Они встречались только с руководством экспедиции и вели разговоры исключительно производственного характера. Никто не пытался их выводить на разговоры по закрытым темам. Тогда это было чревато страшными последствиями для обеих сторон.

Рядовые служащие занимались своими делами. Никто ни о чем никого не расспрашивал и никто ничего не рассказывал. Все боялись за себя и своих близких, а поэтому и были мы далеки от этого ужаса.

Руководители экспедиции все годы ее существования находились постоянно под наблюдением — первые годы НКВД, а затем КГБ. Научное руководство осуществлялось и контролировалось Горно-геологическим управлением при Главсевморпути, а позже — Институтом Геологии Арктики (НИИГА), связь с которым имела важное значение для многих геологов, работавших в разных регионах Крайнего Севера. Особенно это относится к геологам Нордвикской экспедиции и геологам Норильского региона.

Но люди, вероятно, из «мест не столь отдаленных» у нас все же появлялись. Я их тоже помню, но все же я была ребенком, поэтому приведу выдержку из письма А.А. Чекаловой.

«...После амнистии 1946-47 годов к нам привезли группу бывших заключенных на какой-то срок и приказали их трудоустроить. Одеты они были очень плохо и мы поделились с ними чем могли. Женщин устроили санитарками и нянями в больницу, где они добросовестно работали. А вот мужчины повели себя иначе. До их приезда у нас всё было без замков. На вторую ночь они обокрали наши продуктовые кладовые и устроили сабантуй.

Пришлось срочно всё закрыть на замки, включая наши балки-квартиры. Возни с ними было много.

Так к одному амнистированному ушла женщина, бросив мужа и ребёнка. Но быстро одумалась и решила вернуться. Тогда покинутый новый супруг бросился ей вслед и убил, ударив ножом. Его, конечно, сразу арестовали и судили. Некоторых судили за неоднократное воровство...»

А еще Антонина Андреевна пишет, как ее свела судьба с одним «медиком-вредителем» на Косистом. Это было, правда, уже после закрытия экспедиции. Тогда на Косистом было, естественно, большое сокращение медперсонала.

«...Бешкарев был в отпуске, когда очень заболела Пана Борисовна. Обратились в Хатангу. С большим трудом удалось получить разрешение на проезд на несколько дней опытного врача Петухова. Он находился в Хатанге на вечном поселении по «кремлевскому делу врачей». Через КГБ удалось получить это разрешение, т.к. сосланный мог оказывать медпомощь в радиусе 500 км, но с обязательной отметкой в КГБ райцентра (т.е. в Хатанге). Он прожил в Косистом 5 дней и вел приём больных. Денег ему не платили, только вкусно кормили и оплатили дорогу. Это был необыкновенно обаятельный человек! Казалось, что он излучает особое тепло, которое вселяло веру больного в скорое выздоровление. Только его увидев, Пана Борисовна сказала, что ей легче. Проводили его тепло и с благодарностью, а в душе сокрушались, что такой человек должен пожизненно находиться в Хатанге без семьи, друзей, родных...

Может быть эти люди дожили до амнистии и восстановили свои добрые честные имена. А может и нет...»

КОНЕЦ ЭКСПЕДИЦИИ

Опять в Нордвикскую экспедицию прибыла в начале 1949 года Комиссия Главсевморпути — для пересмотра дальнейшего направления нефтеразведочных работ в свете новых данных. В соответствии с выводами этой Комиссии началось оживление буровых и геолого-геофизических работ. Расширение работ снова повлекло резкое увеличение численности населения поселков. Прибывало пополнение, главным образом, в навигацию. Велось строительство новых балков. В школу ежегодно приходили новые ученики.

Летом 1951 года в экспедиции работала Комиссия, организованная Советом Министров СССР. Эта Комиссия подтвердила правильность проводимых работ за прошедшие два года с момента последнего посещения экспедиции правительственной Комиссией и определила методику, направление и необходимые объемы на ближайшее пятилетие, т.е. по 1955 год включительно.

На всех участках закладывались новые скважины по поиску нефти и газа. При испытании некоторых были получены притоки нефти, подтверждающие необходимость дальнейшего бурения и геологического изучения региона. Все начали верить в скорый успех.

Уезжая осенью 1952 года в отпуск, папа и не предполагал, что не вернется больше в экспедицию...

Летом 1952 года, после окончания школьных занятий, я и мама поехали в Москву отдыхать на лето. До аэропорта Косистый добирались автомашиной. Лед в июне был уже слабым и частенько под колёсами слышали его потрескивание. Дорогу проверяли, пустив впереди машины упряжку собак.

Все лето провели на даче под Москвой, где мама сняла комнату. После приезда осенью отца мы переехали жить

к друзьям по бакинскому институту. В отпуска северяне ездили один раз в три года, поэтому отпуска были большими. За первые два года работы — по 54 дня, а за третий рабочий год — 72 дня отпуска.

Учебный год я начала в одной из московских школ. Конечно, в первый же день надела часы, чем вызвала большое недовольство учителей. Часы тогда были большой редкостью даже у взрослых. Мои часы, конечно, отвлекали учеников от занятий, а поэтому маму сразу вызвали в школу, после чего часы были убраны в коробочку до каникул. В то время не разрешали даже старшеклассникам носить украшения, часы и пользоваться косметикой. Все девочки ходили в строгой форме, состоящей из коричневого платья с белым воротничком и черного фартука в обычные дни и белого — на торжественные мероприятия. У мальчиков были костюмы синего цвета.

Обучение было раздельным. Существовала специально школа только для девочек и школа только для мальчиков. Чаще всего обе школы размещались близко друг от друга. По праздникам собирались на школьные вечера вместе по приглашениям. Для меня это было очень непривычно, т.к. в Кожевниково была одна школа и учились все вместе. В специализированных школах я себя чувствовала очень неуютно. Почему-то все девочки сливались перед моими глазами в один клубок на переменах, очень уставала от сорока одинаково одетых учеников в классе и постоянно к концу занятий у меня поднималась температура. Ввели совместное обучение после длительных дебатов на страницах газет в середине пятидесятых годов при правлении Н.С. Хрущева.

Настала пора маме и мне собираться в обратный путь, т.к. отпуск у мамы заканчивался. До окончания папиного отпуска у меня была возможность продолжать учиться в Москве, но я настояла на отъезде домой. Московскую школу я покинула без сожаления. После нашего отъезда

папа поехал лечить желудок по выданной ему путевке в санаторий на Кавказ. Ничто не предсказывало, что навигается для нашей семьи трудная полоса испытаний и перемен.

Самолеты по-прежнему летали из аэропорта Быково, но порядка было уже больше. Здание вокзала оставалось старым. Самолеты делали несколько посадок для дозаправки. Даже при летной погоде в дороге были больше суток. В эти годы самолеты уже летали в период полярной ночи, но часто приходилось подолгу из-за непогоды сидеть в промежуточных аэропортах.

Так было и в этот раз, когда мы с мамой возвращались в Кожевниково. Самолет для дозаправки должен был совершить посадку в Сыктывкаре, но из-за непогоды по трассе нас посадили в Воркуте, которая была обычно закрыта для рейсовых транзитных самолетов.

Пассажиров в Воркуте пересчитали и строем под охраной повели в небольшое здание, которое служило аэровокзалом. В столовую вели также под охраной, предварительно пересчитав. Вылет был назначен на утро следующего дня. Мама, конечно, решила воспользоваться неожиданной возможностью и навестить сестру, которая жила в Воркуте. Нас отвезли на машине начальника аэропорта, т.к. только с его разрешения можно было покинуть здание аэровокзала. Мы буквально свалились на тетюшку с неба. Нам было строго приказано не покидать этот дом и ждать утром прихода за нами машины. Конечно, намеченный поход тетюшки с семьей в баню был отменен. Семья жила в большой коммунальной квартире. На встречу вышли все соседи. Разговоры не смолкали до утра. Рано утром опять на машине начальника мы вернулись в аэропорт и продолжили полет.

В Кожевниково жизнь в ожидании папы из отпуска текла своим чередом. Он обещал прилететь к моему дню рождения или к празднику Великого Октября, который

совпадал с началом полярной ночи. Но к моему дню рождения не приехал. Не прилетел он и к новомуднему празднику. В письме он сообщил, что срочная работа задерживает его в Москве. Мама о чем-то секретничала с друзьями, а я приставала с одним и тем же вопросом: «Когда же папа приедет?»

Начальником рации многие годы был молодой человек очень высокого роста по фамилии Рыкк. Когда его спрашивали, как он помещается в маленькую машину «уазик», он коротко объяснял: «Я складываюсь». Наступил 1953 год. В феврале начальник рации Рыкк пригласил маму к себе и по большому секрету показал теле-

Современная панорама местности. Фото 2005 года.

грамму от папы, в которой он ставил в известность начальника экспедиции о запрете Министерством Геологии вернуться ему в Кожевниково без всякого объяснения. Мама очень расстроилась, но должна была скрывать, чтобы не подвести начальника рации, которого за разглашение тайны привлекли бы к уголовной ответственности. Молча ждали решение начальника экспедиции, наивно надеясь, что все зависит от него.

Приближался праздник 8 Марта. Готовился большой

праздничный концерт. Но внезапно пришло известие о тяжелой болезни Сталина. Вместе со всем населением страны жители экспедиции, прилипнув к черным тарелкам радиоприемников, следили за течением болезни вождя. Мама говорила, что если бы её смерть вернула здоровье Сталину, она готова пожертвовать собой. В этом с ней были солидарны многие. Сталин скончался 5 марта 1953 года. По местному радио звучала траурная музыка. В поселке стояла необычная тишина. Учителя успокаивали всхлипывающих малышей.

Наш восьмой класс на смерть Сталина прореагировал своеобразно. По странному совпадению в день кончины должна была пройти на последнем уроке контрольная работа по математике, которую вела классный руководитель. Из-за постоянных обсуждений поступающих тревожных сводок и трагического сообщения к контрольной мы, конечно, не подготовились. По нашему мнению, для комсомольцев в такой трагический день, когда взрослые встают на ударную вахту и берут повышенные трудовые обязательства, получить всем плохие отметки нельзя. Мы решили, что будет лучше пропустить урок. Выбросив в форточку портфели, мы на перемене оделись погулять, договорившись на урок не возвращаться. В классе остался один ученик Остроумов, отец которого работал в КГБ. Он был толстым, неуклюжим с очень средними способностями, а поэтому имел в школе кличку «Тупоумов». За любовь ябедничать ему частенько доставалось от ребят. На следующее утро учебный день начался со школьной линейки, на которой каждому вклеили по строгому выговору, прочитав перед этим разъяснительную лекцию. Несколько дней всю доску объявлений занимал приказ директора школы с перечислением наших фамилий. Но родителей в школу не вызвали. Интересно, что по нашей просьбе с классного руководителя выговор был снят. После похорон Сталина в поселке чувствовалась пустота и тревожная напряженная тишина.

Истинную причину, почему папу задержали в Москве, узнали несколько лет спустя, после выступления Н.С. Хрущева на историческом XX съезде КПСС.

Дело в том, что в Министерстве готовились документы по закрытию экспедиции. И конечно, было неизвестно, как будет сформулирована причина ее закрытия. Если там будут указаны фамилии виновных, то папа в этом списке был бы одним из первых, учитывая занимаемую должность. Поэтому после окончания отпуска он работал при Министерстве, выполняя незначительные геологические задания, — его не отпускали, т.к. он был на грани ареста. Спасла папу смерть Сталина.

А 10 июня 1953 года вышло Постановление Совета Министров СССР о консервации геолого-разведочных работ в некоторых районах Арктики, в том числе и на Нордвике.

Мне не удалось ознакомиться со всеми положениями этого Постановления, а поэтому причина закрытия остается для меня неизвестной...

К огромной нашей всеобщей радости с папой все закончилось благополучно. Согласно запроса Научно-исследовательского института Геологии Арктики от 7 апреля 1953 года приказом по тресту «Арктикнефтеразведка» он был переведен на работу в Ленинград в этот институт старшим инженером. Снял в Ленинграде маленькую комнату, прописался и в составе большой группы геологов НИИГА прилетел в Кожевниково на летний полевой сезон. Начальником партии был назначен Емельянцев, а его заместителем был мой отец. Калинин в тот период оставался в Ленинграде.

В соответствии с Постановлением о консервации руководству экспедиции приказывалось в кратчайшие сроки прекратить все начатые геологические работы и подготовиться к полному закрытию экспедиции.

Тихон Матвеевич Емельянцев с отрядом уехал в тун-

дру, а папа только временами выезжал на участки. К нему даже домой часто приходили сотрудники партии для решения возникающих производственных и бытовых проблем. По все той же причине (пресловутая 5-я графа в анкете (национальность)) папу нельзя было назначить начальником. Так было и в последующие годы. Сложившиеся в дальнейшем обстоятельства не позволили папе защитить и кандидатскую диссертацию. Все это затормозило продвижение по службе...

Задачей последнего нордвикского полевого сезона был сбор геологических материалов для написания большого отчёта, который должен был дать оценку проделанной экспедицией работе за время ее существования. Геологический отчет по этой теме имел №123, поэтому всю группу в шутку называли «Раз-два-три».

В НИИГА был большой нефтяной отдел, который осуществлял научное руководство Нордвикской экспедицией, а после её закрытия ещё длительное время обрабатывал оставшиеся материалы. В отчётах и статьях ответственных исполнителей и руководителей геологоразведочных работ за 20 лет существования экспедиции дано полное описание всего объема исследований и сделаны выводы по результатам этих работ.

Лето 1953 года подходило к концу. Приближалось начало нового учебного года. Мама и я собрались лететь в Ленинград. Самолетиком По-2 нас перевезли в Косистый. Опять мы в ожидании самолета жили у Паны Борисовны. На мысе Косистый кроме аэропорта еще располагалась подрядная организация от строительного подразделения «Нордвикстрой». Всего в поселке на момент свертывания работ проживало около 600 человек.

Среди населения ходили упорные слухи о наличии плана строительства подземного аэродрома. В это время в поселке Косистый находилась большая группа военнослужащих высокого ранга. Мне неизвестно, насколько

эти слухи оказались достоверными. Предполагаю, что речь шла о строительстве подземных шахт для ракетных установок. Наши представления о них заканчивались знаменитыми «катюшами». Тогда мы не знали ничего о ракетах, ведь все было в этой области абсолютно сверхсекретно. Догадка пришла значительно позже, когда запустили первые спутники.

Пробыв в Москве несколько дней, мы поездом приехали в Ленинград. К этому времени нам нашли подходящую комнату в большой коммунальной квартире, куда переехала наша семья. С большим трудом меня устроили в школу, т.к. не было прописки. В конце декабря родители купили в пригороде Ленинграда дом. Наступивший 1954 год мы встретили в своем доме.

В Кожевниково папа больше не возвратился. Впрочем, и мы тоже. Друзья часто присылали письма и навещали нас. От них мы узнали подробно, что происходило в экспедиции после нашего отъезда.

Частично вывезли население поселков за период ближайшей навигации 1953 года. Полная ликвидация экспедиции заняла почти год. За это время были вывезены основные документы со всех участков, но многое было брошено. Все работы на скважинах были остановлены сразу после получения Постановления Министерства геологии. Ввиду того, что одновременно прекращалось бурение по всему Заполярью, то оборудование оказалось никому не нужно, и его просто бросили. Брошенными были балки и прочие строения. Очень незначительную часть перевезли на Косистый, Диксон, Хатангу. Многое зверски, особенно на участках, было разрушено тракторами, которые громили все подряд. Центральная база была оставлена целехонькой в надежде, что её заселит после отъезда геологов местное население. Все необходимое для проживания было оставлено, т.к. увозили с собой только личные, самые необходимые вещи.

Но якуты не стали заселять поселок, а только некоторое время приезжали и кое-что увозили, что напоминало скорее набеги — громили все, что оставалось нетронутым. Несколько лет в Кожевниково жил хозяин нескольких парников, которые не хотел оставить. Выращенные овощи отвозил на Косистый, где жила его семья. Кроме него еще жил каюр, который ухаживал за оставленными собаками. После смерти каюра больного земледельца жена перевезла на Косистый, где он скоро скончался.

К моменту закрытия экспедиции на участке Чайдах работала геологическая партия, состоявшая из четырех буровых бригад. Буровые работы велись с 1950 года по февраль 1954 года. Использовались первоначально сведения, полученные Емельянцевым в 1940-1942 годах. К

весне 1954 года на этом участке из четырех глубоких скважин было уже пройдено более 1000 м на каждой. Скважины по приказу демонтировали и вывезли в морской порт Нордвик для дальнейшей транспортировки в другие регионы страны, а жилые строения оставили на месте.

Брошенные дома. Фото 2005 год.

Местное население и их не заселило. Все с годами разрушилось.

Работа по обобщению собранных за лето 1953 года материалов продолжалась два года и завершилась написанием геологического отчета в несколько томов. За это время был написан и опубликован ряд статей, в которых на основании уже предварительных выводов давалось заключение о преждевременном закрытии экспедиции. Неоднократно за этот период ведущие специалисты обращались в Министерство геологии и другие соответствующие органы с ходатайством о приостановке полной ликвидации Нордвической экспедиции, которая на протяжении 20 лет проводила полевые и буровые работы в Нордвик-Хатангском районе.

Труженики экспедиции, которые своим героическим трудом создавали приличные условия для проживания, вложили много своего труда, любовь, желание, фантазию и умение. Наверно, поэтому они до конца дней своих с любовью и грустью вспоминали об этих годах. А для нас, бывших тогда детьми, это осталось чем-то похожим на сказку, в которой мы были действующими лицами.

Такова двадцатилетняя история создания и гибели творения человеческих рук, которое создатели любовно называли Заполярным Парижем.

ИЛИ НЕ КОНЕЦ?

Эта глава будет не совсем обычна. В ней я приведу (конечно, в сокращении) отчеты и статьи различных специалистов-геологов.

Как я уже упомянула выше, результатом проведенного детального анализа и обобщения всех собранных материалов было окончательное подтверждение вывода об ошибочном и поспешном решении о закрытии экспедиции.

Т.М. Емельянцев. Отчет. 1934 год.

«...Главной задачей экспедиции было установление наличия нефтеносности Нордвикского района.

Нефть в описанном районе нами была обнаружена с первых же шагов геологических исследований на п-ве Урюнг-Тумус, т.е. полностью подтвердилось предположение И.П. Толмачева о возможности нахождения нефти в том районе.

Согласно нашим наблюдениям нефтеносными являются породы юрского возраста: все наблюдавшиеся нами выходы жидкой нефти приурочены к лейасовой толще, которая обнажена на побережье Урюнг-Тумуса в ряде точек. В этих пунктах наблюдается высачивание капель жидкой нефти на поверхности песчаников. Количество высачиваемой нефти в разных местах различно... Нефть сопровождается выделением пузырьков газа, а также водой, которая главным образом стекает сверху обрыва, в следствии таяния поверхностных снегов...»

А.Г. Алексин. Усть-Порт, 1952 год (главный геолог Усть-Енисейской экспедиции Горно-геологического управления Главсевморпути с 1942 по 1946 год).

«...Данные, полученные в результате первого полевого сезона Т.М. Емельянцевым на Нордвике в 1933 году, ещё раз подтвердившие наличие реальной перспективы

на открытие в районе севера Средней Сибири месторождений нефти и газа, подтвердили необходимость уже намечавшейся отправки геологической экспедиции в низовья Енисея...»

М.К. Калинин. Отчет. 1953 год.

«...Таким образом, п-в Нордвик отвечает всем тем требованиям, которым должен обладать любой нефтеносный район. В пределах п-ва должны быть более перспективные участки, чем разбуренные до настоящего времени... Поэтому положительное разрешение вопроса нефтеносности Нордвика прольет свет на нефтеносность огромной провинции. Можно надеяться, что продолжение разведочных работ на Нордвике превратит этот первый разведочный район в Арктике, давший уже первую сот-

В ящиках с такой надписью в район доставлялись грузы.

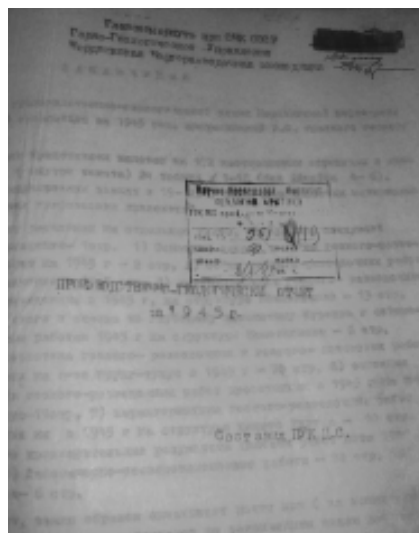

ню тонн арктической нефти, в первый нефтяной промысел и тем самым положит начало эксплуатации нефтяных богатств бескрайних просторов севера Сибири...»

М.К. Калинин, 1959 год, автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора геолого-минералогических наук.

«...К сожалению, в 1953 году нефтепоисковые работы в Нордвикском районе были необоснованно прекращены и лишь теперь намечается их возобновление... Произведенный данной работой анализ позволяет установить следующее: 1) масштабы потребностей в горючем с учетом вывоза таковы, что целесообразно развитие здесь нефтедобывающей промышленности; 2) себестоимость нефти, добытой в этом районе, не будет существенно отличаться от себестоимости нефти, которая может быть добыта в центральных районах Сибири; 3) северные районы Сибири являются более перспективными, чем центральные, а тем более южные районы; 4) стоимость разведочных работ в северных районах

не выше, а иногда и ниже, чем в центральных районах Сибири. Следовательно, нет никаких факторов, противоречащих возобновлению разведочных работ в северных районах Сибири... Детальный анализ имеющихся материалов по этому району позволяет сделать ряд выводов: 1) подтверждается представление в высокой перспективности в нефтегазоносном отношении Нордвик-Хатангского ре-

Результаты работы.

гиона; 2) целесообразности проведения новых нефтепоисковых работ; 3) распределение залежей такое же, как и в других заведомо нефтегазоносных районах, имеющих сходное геологическое строение.

Все это позволяет высказать полную уверенность, что в Нордвик-Хатангском регионе будут выявлены крупные нефтяные месторождения, разработка которых откроет широкие возможности для освоения богатых и разнообразных естественных ресурсов севера Сибири, что будет содействовать скорейшему выполнению решений XXI съезда КПСС...»

Весь остальной период трудовой деятельности мой отец занимался изучением нефтеносности Усть-Енисейского региона. Несколько раз приезжал по работе в Норильск и Дудинку. Во всех отчетах и статьях он с постоянной настойчивостью утверждал о перспективности этого региона на нефть и газ, несмотря на неудачи при бурении на протяжении многих лет.

П.С. Пук. Отчет по Усть-Енисейскому району, 1965 год.

«...В течение первого периода с 1934 года по 1956 год геологическими и геофизическими работами были выявлены основные черты геологического строения Усть-Енисейской впадины и выявлены 13 структур для поисков нефти и газа... Низкая результативность этого этапа нефтепоисковых работ, продолжавшегося 17 лет, по нашему мнению, связана не с неперспективностью Усть-Енисейской впадины, а с методикой ведения самих нефтепоисковых работ. Косвенным причинам неполучения положительных результатов в течение такого продолжительного времени относим:

- 1) незначительный объем производственных региональных работ;
- 2) ничтожный фонд структур, подготовленных к бурению за это время;

3) небольшой объем нефтепоискового бурения и концентрация его, в основном, на Малохетском поднятии...»

П.С. Пук. Выдержки из статьи.

«...Начиная с 1953 года, Институт Геологии Арктики приступил к обобщению материалов нефтяных разведок, проводившихся на севере Сибири в течение двадцати лет... В процессе этих исследований был изучен материал глубокого бурения 55 скважин общим метражом 146087 м, а также использованы материалы геологических, сейсмопрофилирования, геофизических съемок и специальных тематических маршрутных исследований... Основываясь на результатах выполненных исследований, Институт Геологии Арктики в апреле 1957 года провел расширенную сессию Ученого совета, посвященную проблеме нефтегазоносности севера Сибири. В работе сессии принимали участие представители Министерства и охраны недр СССР, Госплана, нефтяных институтов Министерства и ряда сибирских геологических организаций. На заседании были подведены итоги выполненных работ и апробированы основные выводы... Сессия Ученого совета Института признала правильным основной вывод о высокой перспективности северных районов Сибири и одобрила предложения по дальнейшему направлению нефтепоисковых работ на этой территории. Материалы сессии в 1958 году опубликованы в сборнике «Нефтегазоносность севера Сибири»... В 1957 году при Министерстве геологии и охраны недр СССР была создана Межведомственная комиссия по определению направления нефтепоисковых и нефтеразведочных работ на территории Сибири. В решениях Комиссии также была дана высокая оценка перспектив северных районов. В результате в 1958 году Министром геологии и охраны недр СССР П.Я. Антроповым был издан приказ о возобновлении нефтепоисковых работ на Усть-Енисейской, Хатангской и Лено-Оленекской территориях севера Сибири... На основании этого

приказа в этом же году трест «Минусиннефтегазразведка» начал работы на территории Усть-Енисейского района. В 1959 году НИИГА приступил к геологической съемке в этом регионе... Говоря об Усть-Енисейском районе, нельзя не упомянуть и о соседнем с ним Норильске, который в эти же годы стал привлекать к себе внимание геологов-нефтяников. На этой территории Институтом Геологии Арктики осуществлялся комплекс геологических исследований, направленных на более детальное изучение региона... Учитывая высокую перспективность северных районов Сибири, есть все основания ожидать, что возобновление нефтепоисковых работ на этой территории уже в ближайшие годы приведет к открытию крупных месторождений нефти и газа...»

В конце 60-х или начале 70-х годов, когда начали бурить сверхглубокую скважину на Кольском полуострове, папа неоднократно говорил, что если бы у них в те

Нордик ждет...

годы в экспедиции было подобное оборудование, то они обязательно добились успеха, открыв богатейшее нефтяное месторождение.

Летом 1972 года геологическая партия от НИИГА под руководством Д.С. Сорокова работала на территории бывшей Нордвикской экспедиции по поискам и сбору оставшейся там документации и уцелевшего керна из скважин. Геологам пришлось жить в палатках, которые были взяты с собой на всякий случай: все строения к этому времени оказались разрушенными и совершенно непригодными для проживания.

Ко всеобщему удивлению кернохранилище вблизи бывшего футбольного поля довольно хорошо сохранилось, только не было дверей. Собранные геологические материалы были использованы для очередного отчета, в котором опять были сделаны выводы о перспективности этого региона на нефть. Однако до сих пор в тех местах тишина и только ветер продолжает переносить с одного места на другое обрывки брошенных когда-то бумаг и вещей...

Может, это покажется неубедительным, но я все же верю, что в недалеком будущем опять в этих краях начнутся разведочные работы и специалисты нового поколения изучат и оценят работы своих предшественников. И тогда загадка Нордвика исчезнет навсегда, а на карте нашей страны вместо белого пятна возникнет новый нефтеносный район... И может быть, снова кто-то назовет Нордвик Заполярным Парижем, как называли его жители в 40-50-е годы прошлого века...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Кажется, Гумилев когда-то сказал: «Не говори с тоской: “Их больше нет”, а говори с благодарностью: “Они были”...» Эти слова я хочу отнести ко всем жителям Нордвика.

Очень надеюсь, что с помощью читателей я найду своих земляков и одноклассников, которые жили и трудились в Нордвикской экспедиции.

В геологических отчетах я встретила фамилии людей, о судьбе которых хотелось бы узнать. Это:

Арезон Т.П. — зав. фондов.

Афанасьев Г.А., Пустохин Д.А., Пузырёв В.Н. — топографы Нордвикской экспедиции 1940-42 гг.

Баранов К.А. — геолог на Нордвике, 1942-46 гг.

Барков Е.И. — геолог.

Берзин А.И. — геолог, участник экспедиции 1934-37 гг. под руководством Т.М. Емельянцева, в 1935 г. совершил маршрут по р. Тигян до оз. Чайдах.

Богданов В.П. — начальник каротажной партии.

Бодылевский — 1939-49 гг.

Велецкий — инженер-геофизик.

Денисов Б.П. — руководитель сейсмической партии Нордвикской экспедиции 1949-50 гг.

Еханин Е.В. — инженер-геофизик сейсмической партии Нордвикской экспедиции 1949-50 гг.

Иванов С.И. — инженер-геофизик Нордвикской экспедиции 1949-50 гг.

Иноземцев А.Н., Шекина Г.А. — техники.

Кочетков Т.П. — геолог, Усть-Порт 1938-41 гг., 1943-44 гг., затем геолог в Нордвикской экспедиции 1944-48 гг.

Кочеткова Н.М. — микропалеонтолог.

Крюков С.М. — геофизик Нордвикской экспедиции, 1941 г., исполнитель магнитометрической съемки.

Кузнецов Л.А. — главный геолог треста «Арктикнеф-
теразведка», 1954 г.

Лаппо В.И. — инженер, капитан второго ранга, руко-
водитель тематической партии №36 НИИГА в Нордвик-
ской экспедиции п. Кожевниково с 1946 по 1952 год.

Ледяев И.Ф. — начальник по бурению.

Литвинов П.Д. — геолог 1946-48 гг.

Михайловский Б.А. — геофизик Нордвической экс-
педиции 1949-50 гг., руководитель магниторазведки.

Нудин А.А. — топограф.

Подгорных В.А. — инженер-геофизик, Нордвическая
экспедиция 1951-52 гг., руководитель сейсмической
партии.

Поспелов П.А. — управляющий трестом «Арктикнеф-
теразведка», 1954 г.

Семенов Л.Т. — геолог 1950-54 гг.

Сигалова Ф.Л. — инженер-геофизик, Нордвической
экспедиции 1951-52 гг., интерпретатор в сейсмической
партии.

Соловьев В.И. — главный инженер.

Степашин С.С. — геолог 1951-54 гг.

Чурзин М.Г. — геофизик Нордвической экспедиции
1949-50 гг., руководитель гравимагнитной съёмки.

Шевырин А.Ф. — зам.начальника Нордвического по-
литотдела.

Ширяев И.Е. — старший геолог, 1949-53 гг.

Шлейфер М.С. — старший геолог, 1946-1954 гг.

Пожалуйста, откликнитесь, сообщив мне письмом по
адресу 663300, г.Норильск, а/я 1412, Издательство
«АПЕКС», для Дины Пинхосовны Дудиной.

Содержание

От автора	5
Где-то на Севере	7
Моя семья	17
Первый	23
«Дохтур»	34
Счастливое детство	45
Медики	55
Геологи	63
Север навсегда	73
Два полюса	85
Конец экспедиции	92
Или не конец?	102
Послесловие	109

Популярное издание

Дина Пинхосовна Дудина

ВОКРУГ НОРДВИКА...

Главный редактор Л.Н.Стрючкова
Художественный редактор С.А.Стрючков
Корректор Л.Н.Курилова
Фото Т. Кузнецовой
и из личных архивов автора

Подписано в печать 20.10.2006.
Формат 84х108/32. Гарнитура Newton.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 5,88. Тираж 500. Заказ №

ООО Издательство «АПЕКС»
663300. г.Норильск, а\я 1412
тел. (3919) 42-32-38
E-mail: apex@norcom.ru

Отпечатано в полном соответствии
с оригинал-макетом заказчика